28 59
автограф

"Завѣты" № 7. Іюль 1914.
28а 4/59
Глубокоуважаемому Ивану Алексеевичу Бунину автор.
1914. 2 Сентября
Инвент. № 435492
193 г.

Новая Земля.

Въ іюлѣ 1913-го года въ Архангельскѣ стояли тропическія жары.—Кругомъ въ разныхъ мѣстахъ губерніи горѣли сотни тысячъ десятинъ лѣса. Массами гибли птицы, медвѣди выбѣгали изъ лѣсовъ въ селенія.—Сгоняли народъ тушить громадныя, горящія лѣсныя пространства, а пожары разгорались все больше и больше и вспыхивали въ новыхъ и новыхъ мѣстахъ. Солнце среди дыма и гари сѣрымъ пятномъ стояло на небѣ.

Нагрузка парохода „Королева Ольга Константиновна", уходящаго на Новую Землю, давно уже кончилась. Ждутъ губернатора. На берегу власти города Архангельска и цѣлый штатъ полиціи. У каждаго трапа стоятъ стражники.

— Ты куда?—спрашиваетъ стражникъ у рабочаго.

— Да надо еще на берегъ сбѣгать,—отвѣчаетъ рабочій.

— Ну, нѣтъ, братъ, сиди на пароходѣ. Тебѣ на землю теперь больше ходу нѣтъ. Вотъ этакъ: Отправится на берегъ передъ отходомъ,—говоритъ стражникъ, замѣтивъ мой вопросительный взглядъ:—жалованіе то за мѣсяцъ впередъ получилъ, пароходу отходить, а ты тамъ его ищи-свищи.

Пароходъ съ верху до низу нагруженъ всевозможной кладью: везутъ маленькія промысловыя шлюпки, шлюпки побольше, большой карбасъ [1]), моторъ, дрова, строительные матеріалы, бочки,—все это горой возвышается на палубѣ.

Вдругъ полицейскіе чины на берегу вытягиваются и принимаютъ нѣсколько напряженный видъ, какъ будто они позируютъ передъ фотографическимъ аппаратомъ, среди властей движеніе: это показался экипажъ губернатора.

Губернаторъ входитъ въ рубку парохода, выпиваетъ напутственный бокалъ шампанскаго и желаетъ счастливаго

---

[1]) Карбасомъ на сѣверѣ называется большая морская лодка.

плаванія. Затѣмъ онъ и всѣ провожающіе уходятъ. Третій свистокъ. Трапы сняты. Слышенъ звонокъ внутри парохода—это сигналъ механику. Осторожно начинаетъ ударять винтъ за кормой.

На берегу и на пароходѣ наступила полная тишина, всѣ обнажили головы.

Разстояніе между пароходомъ и провожающими все увеличивается и увеличивается,—растетъ другое разстояніе: одни уходятъ въ далекія страны, въ область случайностей и неожиданностей, другіе остаются на берегу, гдѣ этихъ случайностей меньше.

Близь стоящій пароходъ гидрографической экспедиціи полковника Арскаго „Савватій“, тоже уходящій на-дняхъ на Новую Землю, сигнализируетъ: „счастливый путь“. „Ольга“ благодаритъ его долгимъ торжественнымъ свисткомъ.

На берегу и на пароходѣ махаютъ шапками, платками. Солнце краснымъ шаромъ среди дыма спускается къ горизонту, по тихой Двинѣ бѣгутъ пароходы, скользятъ маленькіе моторы. Фигуры на берегу стали совсѣмъ крошечными, кто продолжаетъ махать платкомъ, кто уже уходитъ. Видно, какъ поѣхалъ экипажъ губернатора. „Ольга“ полнымъ, свободнымъ, веселымъ ходомъ идетъ впередъ. Вся Двина, всѣ берега во мглѣ, и отъ этого рѣка кажется еще шире.

Архангельскъ давно скрылся изъ глазъ. Мы все еще идемъ устьемъ Двины. Около берега горитъ огромный костеръ,—это жгутъ кору съ бревенъ около лѣсопильнаго завода. Широкая пароходная волна слегка качнула костеръ, и онъ сталъ не такимъ яркимъ, но все еще продолжалъ горѣть золотистымъ, волшебнымъ свѣтомъ среди мглистыхъ, дымныхъ сумерекъ.

На Бѣломъ морѣ дымно и полный штиль. Упрямымъ, ровнымъ темпомъ работаетъ пароходный винтъ, и висячія лампы въ общей каютѣ вторятъ ему мелкимъ, согласнымъ дрожаніемъ.

Самое разнообразное общество собралось въ этомъ году на Новую Землю. Помимо двухъ чиновниковъ, спеціально ѣдущихъ туда по дѣламъ колонизаціи, ѣдетъ англійскій офицеръ артиллеристъ, ѣдетъ нѣмецкая писательница. Собрались изъ разныхъ концовъ Россіи: два учителя, астрономъ изъ Москвы, студентъ естественникъ, пѣвецъ, математикъ, только что окончившій университетъ, агрономъ, желающій изучить птичьи базары на Новой Землѣ, чиновникъ изъ

Москвы, чиновникъ изъ Архангельска, собирающійся провести зиму на Новой Землѣ; сотрудникъ газеты „Архангельскъ“, ѣдущій для собиранія свѣдѣній о пропавшихъ экспедиціяхъ Русанова и Сѣдова; монахъ, зимовавшій раньше на Новой Землѣ и ѣдущій теперь туда, чтобы смѣнить тамъ зимовавшаго другого монаха. Въ третьемъ классѣ ѣдутъ промышленники на лѣтніе промыслы и рабочіе для ремонта избъ колонистовъ на Новой Землѣ.

Весь этотъ людской винигретъ давнымъ давно уже спитъ по своимъ каютамъ. На палубѣ никого, только щебечутъ двѣ маленькія птички, онѣ забравшись далеко въ море, временно залетѣли на пароходъ, эти птички отдохнутъ и полетятъ къ берегу.—Спать не хочется и я сижу на палубѣ.

— И зачѣмъ это люди воюютъ? Жили бы по-братски! Чего это славяне передрались?—говоритъ мнѣ капитанъ, сидя рядомъ со мной на лавочкѣ.

И среди этой мягкой, морской тишины, ровной работы пароходнаго винта, полуночной зори, переливающейся золотистымъ свѣтомъ въ морскихъ волнахъ, казалось страннымъ, что гдѣ-то люди перегрызаютъ другъ другу горла.

— А я теперь все время спать не буду, — говоритъ капитанъ, — вотъ пройдемъ ковшъ Бѣлаго моря, пройдемъ горло, тогда можно будетъ выспаться. Пусть тамъ и покачаетъ—въ океанѣ мягко,—и отправляется на капитанскій мостикъ. Капитанъ обезпокоенъ: лѣтній берегъ Бѣлаго моря теперь чуть видѣнъ въ дыму лѣсныхъ пожаровъ, и трудно орьентироваться.

На другой день въ Бѣломъ морѣ тоже тишина. Дымъ парохода недвижнымъ зигзагомъ остается за кормой; по одному курсу съ нами идутъ иностранные грузовики съ лѣсомъ, бѣлѣютъ паруса яхтъ, бѣлѣютъ снѣга по берегамъ, и иногда трудно различить гдѣ снѣгъ, а гдѣ парусъ. На палубѣ оживленіе: осматриваютъ и приготовляютъ ружья для предстоящихъ охотъ, налаживаютъ фотографическіе аппараты. Идутъ благодушныя бесѣды.

— Зимовалъ, это, я на Новой Землѣ,—ровнымъ покойнымъ голосомъ разсказываетъ монахъ,—убили самоѣды медвѣдицу, а двухъ бѣлыхъ медвѣжатъ со мной поселили. Ну, какъ же эти медвѣжата ко мнѣ привязались! Бывало, уѣду отъ нихъ потихоньку на острова рыбу ловить; нѣтъ меня: они и забезпокоятся. Сейчасъ искать.—Заливъ, бывало, пере-

плывутъ, а меня безпремѣнно разыщутъ. Одного звали „бѣлка“, а другого „мальчикъ“.

— Позвольте, Николай Яковлевичъ, въ лотерею гармонію немедленно разыграть,—прерываетъ разсказъ подошедшій плотникъ, обращаясь къ чиновнику.—Деньги безпремѣнно занадобились.

— Ну, ты это, братъ, того брось. Для пьянства тебѣ деньги понадобились. Нельзя!—категорически отказываетъ чиновникъ.

— И повезли этихъ бѣлыхъ медвѣжатъ въ Архангельскъ продавать,—продолжаетъ монахъ:—спрыгнулъ одинъ изъ этихъ медвѣжатъ съ парохода въ океанъ и уплылъ назадъ въ становище; 300 верстъ океаномъ проплылъ. Приплылъ въ становище, сталъ на берегъ вылѣзать, тутъ его самоѣды и застрѣлили.—А другой до Архангельска доѣхалъ. Тамъ безъ меня съ нимъ справиться не могутъ, никого не слушаетъ. Выпросили у меня рясу, кто мою рясу надѣнетъ, ну, того и слушаетъ, а то никакого сладу съ нимъ нѣтъ. Потомъ его за границу въ звѣринецъ продали. Оба они блестящія вещи очень любили—металлическія.

Внизу въ общей каютѣ одни играютъ въ винтъ, другіе пьютъ чай, закусываютъ. Посреди каюты люкъ, это ходъ внизъ въ кладовую, гдѣ хранится провизія. То и дѣло буфетчикъ поднимаетъ дверь люка и скрывается въ преисподнюю. Люкъ этотъ имѣетъ свою исторію: туда въ разное время провалились: одинъ архангельскій губернаторъ и два видныхъ архангельскихъ чиновника.

Прежде чѣмъ опускаться въ люкъ, буфетчикъ время отъ времени обращается къ пассажирамъ.

— Осторожнѣй, господа. Не провалитесь въ люкъ. Сюда разъ губернаторъ упалъ; упалъ благополучно—на горничную, и ничего не повредилъ ни себѣ, ни горничной. А вотъ одинъ чиновникъ упалъ, тотъ сразу 12 бутылокъ расшибъ съ разными напитками, тоже упалъ благополучно,—ничего себѣ не ушибъ, только потомъ очень не доволенъ былъ, когда ему счетъ за разбитые напитки подали. А другой чиновникъ съ бумажкой въ рукѣ падалъ. Обѣдъ былъ, онъ во время обѣда рѣчь по бумажкѣ говорилъ, заглядѣлся въ бумажку, да и провалился. Ну, тоже, благополучно, ничего себѣ не повредилъ, попалъ прямо на пустыя корзины.

— Потомъ пассажиры разные падали,—добавляетъ онъ, очевидно, считая, что мы можемъ подумать, что падать въ

люкъ есть исключительная привилегія высшей архангельской администраціи. Разсказываетъ онъ это, конечно, чтобъ избавить путешественниковъ отъ этой непріятной случайности, но у него есть еще соображенія относительно себя самаго. Спускаясь въ люкъ, онъ, видимо, боится, что и въ данный моментъ кто-нибудь изъ туристовъ можетъ упасть ему на голову, а среди ѣдущихъ были люди крупнаго роста и хорошаго тѣлосложенія. Получить подобную тяжесть внезапно на голову—удовольствіе не изъ пріятныхъ, и буфетчику, видимо, это не улыбалось.

Прошли горло Бѣлаго моря. Начинаетъ покачивать. Вѣтра нѣтъ, но въ океанѣ мертвая зыбь—остатки недавняго шторма. Качка становится сильнѣе и сильнѣе. Пассажиры одинъ за другимъ выбываютъ изъ строя. Общая каюта пуста, всѣ лежатъ по койкамъ. На столѣ рѣшетки для тарелокъ и стакановъ.

Большая океанская волна кладетъ пароходъ то на одинъ бокъ, то на другой, а когда набѣгаетъ девятый валъ, то кренъ еще больше. Начинается вѣтеръ—погода хмурится.

На полу общей каюты валяются книги, сброшенныя качкой со стола. Ѣздятъ по дивану ружья и, того и гляди, свалятся на полъ. Чья то чайница и сахарница ѣздятъ по полу, къ нимъ присоединяется пепельница съ окурками. Чай, сахаръ, окурки давно валяются тутъ же на полу и перемѣшались между собой, а между чайницей, сахарницей и пепельницей идетъ игра, они какъ будто догоняютъ другъ друга. Приходитъ блѣдная горничная, ее тоже укачиваетъ, и начинаетъ наводить порядокъ: она отправляетъ чай прямо съ пола въ чайницу; сахаръ прямо съ пола въ сахарницу и ставитъ все это на столъ.

— Что эти ружья, не заряжены?—спрашиваетъ она меня, осторожно косясь на ружья, которыя все время движутся по дивану.

— Ничего я вамъ не могу сказать на счетъ этого,—отвѣчаю я. Въ это время слышится отчаянный звонокъ въ одной изъ каютъ. Держась за стулья, за столъ, горничная направляется въ каюту. Видимо, кого-то сильно прихватила морская болѣзнь, а черезъ минуту тѣ же сахарница, чайница и пепельница летятъ со стола и опять начинаютъ свою игру.

Пароходъ начинаетъ тяжело поскрипывать, скрипятъ груды клади на палубѣ, а изъ каютъ то и дѣло раздаются

тревожные звонки. Блѣдная горничная и лакей, съ измѣнившимся лицомъ, держась за стѣны, пробираются на помощь страдающимъ морской болѣзнью.

Иногда на палубу выползаетъ кто-нибудь блѣдный и изможденный и разсказываетъ другому блѣдному человѣку:

— Сильно меня прихватило. А ему, ничего.—Который часъ?—спрашиваетъ онъ меня.—Да мои часы далеко,—отвѣчаю я.—Ну, тогда я свой будильникъ посмотрю.—Открываетъ сакъ-вояжъ, наливаетъ въ чарку коньяку и выпиваетъ.—Мнѣ, говоритъ, мое положеніе не позволяетъ, чтобъ пить открыто, вы сами это понимаете, и кромѣ того не хочется буфетчику „за пробку“ платить. Хорошо! А васъ, спрашиваетъ, порядочно прихватило?—Порядочно.—Ну, выпейте, это васъ поддержитъ.—Наливаетъ онъ мнѣ чарку, а чарка размѣромъ такая, что и собака не перепрыгнетъ. Выпиваю я эту чарку, а мнѣ еще хуже.—Вамъ, говоритъ, безпремѣнно нужно вторую выпить, одной мало. Выпиваю, это, я вторую, мнѣ еще хуже, и чувствую, что хуже не отъ моря, а отъ чарки.—Если, говоритъ, вамъ это не помогаетъ, то пойдемте въ машину, тамъ качка меньше.—Хорошо. Идемъ въ машину, тамъ мнѣ отъ жары еще хуже.—Ну, говоритъ, я теперь вижу, что вамъ ничего не поможетъ. Ложитесь и старайтесь уснуть.—Вотъ все время и страдаю. А ему хоть бы что. Ни море его не беретъ, ни коньякъ.

Мы идемъ уже болѣе двухъ сутокъ. Пароходъ все время качаетъ. На капитанскомъ мостикѣ движеніе: капитанъ, штурманъ внимательно смотрятъ въ бинокли.

— „Новая Земля“ видна,—говоритъ мнѣ капитанъ. Посмотрите!

Въ бинокль виденъ длинный, не высокій островъ, на островѣ небольшая башня, это—водомѣрный знакъ.

— „Островъ Подрѣзовъ“,—говоритъ капитанъ:—сейчасъ въ Бѣлушью губу входить будемъ, тамъ тихо.

Мы идемъ губой, кругомъ плоскіе низкіе берега, по берегамъ, спускаясь къ океану большими бѣлыми глыбами, лежатъ снѣга. Хмуро и пасмурно. Дальше чуть видны маленькіе домики становища „Бѣлушей губы“.

Боже мой! Какія унылыя мѣста!

Пароходъ даетъ долгій торжественный свистокъ, на дальнемъ берегу, въ становищѣ начинается суетня: стрѣляютъ изъ ружей. У насъ на пароходѣ тоже идетъ ружейная пальба. Спускаютъ якорь, къ пароходу радостно подплы-

ваютъ лодки. Съ прошлаго сентября эти люди едва ли кого видѣли съ „Большой земли“, такъ тутъ называютъ материкъ. Берега были затерты зимними льдами, и сообщеніе открылось только на-дняхъ.

На Новой Землѣ самоѣды говорятъ, что у нихъ два праздника: Рождество и Пасха. Рождество, это первый рейсъ парохода, а Пасха — второй. Только два раза въ годъ приходитъ пароходъ въ эти отдаленныя страны.

Къ пароходу подходитъ первый карбасъ. Извѣстный самоѣдъ-художникъ, Илья Вылка въ плащѣ съ мѣдными застежками, въ чиновничей фуражкѣ, но безъ кокарды, съ золотой медалью на красной лентѣ [1]) важно и внушительно стоитъ среди карбаса, онъ похожъ не на самоѣда, а на таможеннаго чиновника. Кругомъ его самоѣды въ малицахъ.

— Здорово!—привѣтствуютъ съ парохода.

— Здорово!—отвѣчаютъ самоѣды.

— Ну, какъ промыслы въ этомъ году?

— Плохо!

— Шкуры медвѣжьи есть?

— Немного есть!

— А песцы?..

— Песцевъ не попадало! Ни одного нѣтъ!

— Въ становищѣ здоровы?

— Нѣтъ, 11 человѣкъ померло!

— Отъ цынги?

---

[1]) Золотую медаль Илья Вылка получилъ за участіе въ экспедиціи В. А. Русанова, которая въ 1910—11 г. обошла кругомъ всю Новую Землю. Илья Вылка служилъ проводникомъ во многихъ экспедиціяхъ и раньше.

„Это человѣкъ незамѣнимый въ экспедиціяхъ и какъ участникъ, и проводникъ,—онъ читаетъ книгу природы, какъ мы съ вами газеты, это живая карта Новой Земли. Человѣкъ онъ смѣлый, отважный, рѣшительный; отличный охотникъ—бьетъ гуся пулей на лету“. Такъ характеризовалъ И. Вылку В. А. Русановъ, извѣстный, нынѣ безслѣдно исчезнувшій изслѣдователь-Новой Земли.

Вылка провелъ одну зиму въ Москвѣ, гдѣ изучалъ живопись, ариѳметику, географію, русскій языкъ, съемку географическихъ картъ. Имъ присланы въ Зоологическій Музей Императорскаго Моск. Университета коллекціи чучелъ полярныхъ птицъ съ Новой Земли. Такъ же имъ собраны гербаріи.—Вылка по недостатку средствъ не могъ продолжать дальше свое обученіе въ Москвѣ. Теперь, живя на Новой Землѣ, занимаясь звѣринымъ промысломъ, онъ пишетъ картины. Его интересныя записки о Новой Землѣ были напечатаны въ Московскомъ Журналѣ „Путь“ (Февраль. 1912 г.). Въ 1913 году онъ прислалъ въ Архангельскъ рядъ своихъ работъ, которыя были выставлены въ Москвѣ.

— Нѣтъ, отъ кори!

На палубу по трапу входитъ Илья Вылка.

— Ну, какъ здоровъ?—спрашиваю я.

— Плохо. Корью былъ боленъ, потомъ воспаленіемъ легкихъ, а потомъ сердце болѣло, недѣли двѣ, какъ поправился, а то все лежалъ.

— Работалъ?

— Да, немного картины рисовалъ, не очень много.

— Не слышалъ ли о Сѣдовѣ чего, о Русановѣ?

— Нѣтъ, я ходилъ на Карскую сторону, до Пахтусова острова доходилъ, никого не встрѣтилъ. Въ Маточкиномъ шарѣ о нихъ тоже ничего не знаютъ.

Самоѣдовъ набирается все больше и больше. Они сидятъ въ пароходной рубкѣ, ихъ разспрашиваетъ объ обстоятельствахъ зимней жизни чиновникъ, вѣдающій дѣла колоніи Новой Земли.

— Отчего песцевъ нѣтъ?—спрашиваетъ онъ.

— Мыши много было. Мышью песцы питались, не шли въ капканъ на приманку.

— А медвѣди?

— Медвѣдей тоже мало было, рыба сайка отъ нашихъ береговъ ушла, а медвѣдь эту рыбу любитъ.

Мы въ шлюпкѣ ѣдемъ на берегъ. Приставать довольно трудно, берегъ крутой, кругомъ снѣгъ. Земля еще не оттаяла и не просохла, и имѣетъ совершенно такой же видъ, какъ у насъ весной въ мартѣ мѣсяцѣ. Около избъ лежатъ ѣздовыя самоѣдскія собаки, на насъ онѣ не лаютъ,—только искоса поглядываютъ. Я и еще нѣсколько туристовъ входимъ въ самоѣдскую избу. Изба маленькая и грязная, пахнетъ прокисшими оленьими шкурами. На нарахъ неподвижно сидятъ самоѣдки, онѣ сидятъ, какъ изваянія, и не поворачиваются, чтобъ посмотрѣть на насъ.

Во второй комнатѣ за перегородкой кто-то непрерывно стонетъ.

— Это жена моя,—говоритъ самоѣдъ:—помираетъ, никакъ помереть не можетъ. Ужъ давно она въ гробныхъ доскахъ, не ѣстъ, не пьетъ, все мучается

— Что съ тобой?.—спрашиваетъ ее одинъ изъ туристовъ. Больная стонетъ еще больше. Въ избѣ душно и грязно, тяжелый запахъ плохо-выдѣланныхъ шкуръ, въ маленькое окно видны унылыя, ровныя, безнадежныя долины; кой-гдѣ бѣлыми кусками лежатъ снѣга. На дворѣ грызутся собаки.

— Ну, обстановочка! Нечего сказать!—говоритъ одинъ изъ туристовъ.—Пойдемъ дальше. Прощайте!

— Прощайте!—отвѣчаетъ самоѣдъ. Женскія фигуры по прежнему неподвижны и молчаливы.

— Зайдемъ въ избу Ильи Вылки,—говоритъ одинъ изъ туристовъ. На дорогѣ лежатъ собаки, искоса поглядываютъ на насъ и не думаютъ подниматься.

— „Унь!"—кричитъ на нихъ самоѣдъ и дѣлаетъ угрожающій жестъ, собаки опрометью бросаются въ разныя стороны. Очевидно, тутъ съ ними не церемонятся.

Въ избѣ Ильи Вылки чисто и аккуратно. Насъ встрѣчаетъ его жена Прасковья, самъ онъ уѣхалъ на пароходъ.

— Здравствуй, Прасковья! Какъ живешь?—говорю я.

— Мужъ боленъ былъ, а то ничего,—отвѣчаетъ она. Надъ нарами висятъ нѣсколько этюдовъ масляными красками, виситъ винчестеръ, на окнѣ бинокль. На стѣнѣ часы, но они не ходятъ, сломаны.

— А ну ка, Прасковья, покажи-ка работы Ильи,—говорю я. Прасковья бережно приноситъ папку съ акварелями и рисунками. Мы разсматриваемъ работы. Очень не дурно изображена внутренность избы при лампѣ въ безконечную полярную ночь, на нарахъ на оленьихъ шкурахъ сидитъ Прасковья и шьетъ. На другомъ рисункѣ изображена яхта, заливъ, горы. И странно тутъ, среди этой обстановки, видѣть рисунки, кисти, краски.

Мы идемъ дальше. Новая просторная изба. Тутъ зимовалъ священникъ съ женой и маленькой дочкой. Въ избѣ образцовая чистота. Помѣщеніе недавно выстроено и принадлежитъ самоѣду Ледкову.—На столѣ шумитъ самоваръ, передъ образами горятъ лампадки, на тарелкѣ свѣже-испеченныя булочки. Мы садимся пить чай. И если не смотрѣть въ окно, то кажется, что мы сидимъ гдѣ-то у насъ въ русской деревнѣ въ гостяхъ у сельскаго священника. Приходитъ молоденькая матушка и приноситъ яйца, эти яйца больше куриныхъ, скорлупа у нихъ голубая съ черными крапинками, а желтокъ ярко-оранжевый.

— Вотъ покушайте,—говоритъ матушка.—Эти яйца гагаръ, они рыбой пахнутъ. Самоѣды ихъ ѣдятъ, мнѣ вначалѣ противно было, а потомъ ничего привыкла.—Одинъ изъ туристовъ храбро откусываетъ кусокъ крутого яйца, но потомъ, видимъ, раздумываетъ, что ему дѣлать дальше съ тѣмъ, что онъ откусилъ: проглотить или нѣтъ. Затѣмъ, собравъ всю

наличность своей силы воли, храбро проглатываетъ, но уже больше не пытается продолжать пробу. Отъ яицъ на довольно значительномъ разстояніи сильно пахнетъ рыбой.

— Ну, что, батюшка, скучаете тутъ? Вѣдь цѣлую зиму прожили, кромѣ самоѣдовъ никого не видали,—спрашиваю я.

— Нѣтъ, ничего! Жить тутъ можно, самоѣды народъ хорошій, между собой ладно живутъ. Школа тутъ, дѣтей учу,—времени то и не видно.

— Ну, а цынги не боитесь?

— Нѣтъ, слава Богу, не болѣлъ никто, ни я, ни жена, ни дочь. Вотъ дочь корью болѣла—поправилась. Сокъ лимонный у меня былъ, экспедиція тутъ одна проѣзжала, мнѣ цѣлую бутылку подарила, такъ отъ цынги сокомъ спасались.

— Ну, а въ помѣщеніи то вашемъ зимой тепло?

— По новоземельскому тепло,—съ улыбочкой отвѣчаетъ батюшка:—одинъ градусъ тепла! Мнѣ не привыкать стать, я раньше у лопарей два года учителемъ жилъ. Вотъ у самоѣдовъ тутъ жизнь трудная, самоѣдъ Лековъ недавно въ озеро провалился, собаки утонули, сани, провизія, ружье—все утонуло, самъ едва выбрался, весь мокрый пришелъ въ промысловую избу. А къ церкви самоѣды усердны. За домъ этотъ за цѣлую зиму беретъ съ меня Ледковъ 30 рублей, а настоящая цѣна по здѣшнему 100 рублей. Даже ему 100 рублей и давали, да не беретъ: „это для церкви“, говоритъ. А, вотъ, другой песца промыслилъ, церкви пожертвовалъ... Снѣгу тутъ навалитъ зимой многое множество, снѣгъ твердый, какъ камень, это его вѣтеръ твердо укладываетъ. Тутъ еще не такъ давно, лѣтъ 30 тому назадъ, въ жертву людей приносили, одинъ самоѣдъ работницу зарѣзалъ, другихъ ее убитую ѣсть заставлялъ, кто не ѣлъ, грозился зарѣзать. Впрочемъ, должно быть, онъ былъ „психическій,—прибавляетъ батюшка.—Вотъ послѣ зимней ночи дни начнутъ прибавляться, станетъ свѣтлѣе, всѣ самоѣды на промыслы уѣдутъ. Ѣхать далеко, скучно имъ при ѣздѣ на собакахъ,—ну, и поютъ.

— Какъ волки воютъ,—добавляетъ пришедшій съ туристами монахъ, ѣдущій на пароходѣ вмѣстѣ съ нами.—Тоже поютъ!—иронически добавляетъ онъ.

— Сказки самоѣды мнѣ разсказываютъ, — продолжаетъ батюшка.—Про смерть есть у нихъ сказка интересная.

„Жилъ былъ старикъ. Смотритъ это разъ Богъ съ неба,

призываетъ смерть и спрашиваетъ ее: чего это старикъ тамъ ходитъ? Ему помирать давнымъ давно пора. Сходи за нимъ. Пришла смерть въ становище и говоритъ старику: „ну, старикъ, я за тобой пришла“. А старикъ былъ хитрый, прехитрый: „что жъ, говоритъ, я и самъ вижу, что мнѣ помирать надо, только давай сперва выпьемъ, а потомъ я и помру“. Напоилъ старикъ всѣхъ въ становищѣ, работниковъ напоилъ, сосѣдей напоилъ. Смерть тоже пила. Пила, пила и опьянѣла, и всѣ въ становищѣ крѣпко на-крѣпко-заснули, заснула и смерть. Взялъ старикъ бочку, положилъ туда пьяную смерть, заколотилъ и ночью закопалъ у озера въ пескѣ. Прибоемъ волнъ заровняло песчаный берегъ. Ночь была темная-претемная, и никто не видѣлъ, куда закопана смерть. И перестали люди, птицы, звѣри умирать. Видитъ Богъ, что никто не умираетъ, и спрашиваетъ ангела, куда это смерть пропала: „Поди на землю, разузнай“. Пошелъ ангелъ, приходитъ и спрашиваетъ у жены смерти: „гдѣ твой мужъ?“ а та отвѣчаетъ: „я его сама съ годъ какъ не вижу, не знаю, пропалъ мой мужъ“. Собралъ ангелъ птицъ и спрашиваетъ, куда это смерть пропала, а тѣ отвѣчаютъ: „не знаемъ, не видали“. Спрашивалъ ангелъ звѣрей, тѣ тоже ничего не могли сказать, куда пропала смерть. Сталъ ангелъ спрашивать звѣзды. Тѣ тоже ничего не знали. Только одна маленькая, маленькая звѣздочка, нечаянно ночью сквозь туманъ видѣла, какъ старикъ закапывалъ бочку со смертью на берегу озера и разсказала объ этомъ ангелу. Ангелъ откопалъ смерть и выпустилъ ее на волю. Попала смерть опять къ старику и говоритъ: „ну старикъ, собирайся—твой конецъ приходитъ, пора умирать“.

„Погоди немножко“, говоритъ старикъ, зашелъ за чумъ, обернулся птицей и улетѣлъ. И не могла смерть его найти. Собрала смерть всѣхъ птицъ, но тѣ не знали, гдѣ та птица, въ которую превратился старикъ. И призвала смерть мудрую птицу Маггавей, и Маггавей указала ему ту птицу, въ которую превратился старикъ. И пришелъ ему конецъ, хотя онъ былъ хитрый и колдунъ“.

Мирно горятъ лампадки передъ образами, шумитъ самоваръ, мы всѣ сидимъ и слушаемъ сказку.

— Не хотите ли еще чайку?—спрашиваетъ матушка.

Я бы еще стаканчикъ выпилъ,—отвѣчаетъ монахъ.— А теперь, господа,—обращается онъ къ туристамъ,—побывали мы на нашемъ сѣверномъ „Цейлонѣ“, посмотрѣли, какъ тутъ

жители живутъ, сказокъ наслушались, не пора ли намъ и во свояси — на пароходъ, вѣдь 5 часовъ утра, шестой часъ. Вотъ допью свой стаканъ и пойдемъ.

Я смотрю на молодое, свѣжее лицо священника, на лицо матушки, и вижу у того и другого спокойныя линіи лицъ, не видно ни какой нервности, ни какого безпокойства. Лицо священника удивительно хорошее и благородное.

— Батюшка, — невольно вырывается у меня наивная фраза, — а у васъ тутъ и грѣховъ, должно быть, нѣтъ. Въ этой мѣстности развѣ много нагрѣшишь, — смягчаю я наивность моего вопроса оттѣнкомъ шутливости, — тутъ такъ холодно, что и грѣхи то всѣ вымерзнутъ!

— Ахъ, что вы, — отвѣчаетъ священникъ и какъ то странно и застѣнчиво смотритъ въ сторону.

— Да, гдѣ ужъ тутъ грѣшить! При такихъ то морозахъ, на нашемъ русскомъ сѣверномъ Цейлонѣ! — вставляетъ свое замѣчаніе монахъ. — Ну, господа, пойдемте. Посмотримъ церковь, школу, да и на пароходъ.

Солнце, которое теперь намъ свѣтитъ всѣ 24 часа въ сутки, стоитъ довольно высоко на небѣ.

Дуетъ холодный вѣтеръ, по небу клочьями летитъ не то туманъ, не то облака. Никто не спитъ. Между пароходомъ и берегомъ снуютъ лодки, идетъ спѣшная выгрузка.

Буфетчику строго настрого запрещено до самаго отвала парохода продавать водку самоѣдамъ, у трапа дежурятъ стражники и осматриваютъ садящихся въ лодки рабочихъ: не везетъ ли кто въ становище водку. Пока всѣ самоѣды трезвы, но послѣ начнется повальное пьянство. Продажа вина начнется только послѣ второго свистка. Кто-то изъ туристовъ прозвалъ этотъ свистокъ буфетно-водочнымъ, потому что еще былъ свистокъ тоже второй, но тотъ уже касался отвала парохода.

Благодаря тому, что самоѣды трезвы, разгрузка идетъ быстро.

Мы возвращаемся на пароходъ. Часа черезъ три я ѣду опять на берегъ рисовать. Туристы усиленно фотографируютъ самоѣдовъ. У нѣкоторыхъ самоѣдовъ есть собственные фотографическіе аппараты, потому фотографія здѣсь не новость. Такъ какъ тутъ часто рисуетъ съ натуры Илья Вылка, то здѣшніе самоѣды привыкли и къ картинамъ, и къ художникамъ. Часа черезъ три я ѣду обратно

на пароходъ; тамъ новости: одинъ изъ туристовъ успѣлъ уже неожиданно для себя выкупаться въ океанѣ.

Переходя изъ шлюпки на трапъ, онъ оборвался и сталъ тонуть, около него плавали бинокль и фотографическій аппаратъ, а штативъ утопающій держалъ въ рукѣ и кричалъ:

— Помогите, помогите!

Капитанъ и штурманъ бросились на помощь, спасли туриста, фотографическій аппаратъ, бинокль и штативъ. Въ данный моментъ туристъ находился въ своей каютѣ и лежалъ на койкѣ.

— А тутъ одинъ туристъ въ океанѣ окрестился, мы со старшимъ штурманомъ воспріемниками были. Главное что: у него фотографическій треножникъ металлическій, а мы и треножнику утонуть не дали,—говоритъ мнѣ капитанъ.

Капитана, видимо, занимаетъ не то, что онъ спасъ человѣка, а то, что онъ спасъ металлическій треножникъ.

— Аппаратъ и бинокль,—тѣ внутри пустые, они поверхъ воды плавали, а треножникъ безпремѣнно бы утонулъ...

Капитанъ милѣйшій и любезнѣйшій человѣкъ и все время заботится о пассажирахъ.

— Знаете что?—говоритъ мнѣ онъ:—я утопленника еще разъ испугалъ. Это нужно! Когда человѣкъ испугается однимъ испугомъ, то его непремѣнно нужно испугать другимъ испугомъ. Первый-то испугъ и пройдетъ. Взошелъ это новокрещенный въ океанѣ въ свою каюту, я подошелъ, да неожиданно на него брызнулъ водой, онъ испугался. За то первый испугъ, какъ рукой сняло.

— Значитъ, вы его контръ-испугомъ выправили, — говорю я.

Въ каютѣ на койкѣ лежитъ „новокрещенный въ океанѣ“. Онъ переодѣлся и теперь радостно улыбается.

— Ну, что, какъ вы себя теперь чувствуете,—спрашиваю я.

— Превосходно,—весело отвѣчаетъ „новокрещенный“.

— Чтожъ, это не плохо,—говорю я:—конечно, вы пережили непріятный моментъ, за то когда вернетесь домой, у васъ будетъ эффектный разсказъ о томъ, какъ вы тонули въ Сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ. Да и всему нашему путешествію это придастъ ледовито-океанскій шикъ.

— Да, да, — радостно отвѣчаетъ „новокрещенный“, — именно шикъ.

— Теперь я буду разсказывать, —говорю я, —что плаванье наше въ полярныхъ моряхъ было очень серьезно, одинъ изъ насъ былъ за бортомъ и тонулъ.

А въ общей каютѣ идутъ непріятности самоѣдскаго характера. Въ становище на-дняхъ заходилъ „Баканъ“, судно, посланное на поиски пропавшей экспедиціи Сѣдова. Офицеры съ судна купили у самоѣдовъ нѣсколько шкуръ бѣлыхъ медвѣдей и 2 шкуры песцевъ. За каждую шкуру песца было уплочено по 5 рублей, а въ Архангельскѣ шкура песца стоитъ рублей 35. Кромѣ того, выяснилось, что самоѣдъ сказалъ чиновнику, завѣдующему дѣлами колонистовъ, что продалъ только одного песца, а объ другомъ умолчалъ, но потомъ дѣло выяснилось. Завѣдывающій былъ взволнованъ и огорченъ.

— Вѣдь мы многихъ самоѣдовъ снабжаемъ въ кредитъ продуктами изъ Архангельска, дефицитъ покрываемъ изъ вырученныхъ денегъ за самоѣдскіе промыслы, что же получится, если самоѣды будутъ помимо насъ продавать шкуры. У насъ нѣтъ капиталовъ, чтобъ ихъ снабжать продуктами даромъ, на сколько продадимъ промысловъ, на столько и купимъ продуктовъ. Да кромѣ того самоѣды и врать начали.

Пріѣхалъ на пароходъ батюшка, у котораго мы недавно пили чай и слушали сказки. Онъ на два мѣсяца ѣдетъ въ Архангельскъ отдохнуть, а зимовать будетъ опять въ Бѣлушей губѣ.

Завѣдывающій разсказываетъ ему исторію продажи шкуръ на „Баканъ“. Батюшка, видимо, пораженъ.

Онъ сидитъ, вытянувшись въ наивной позѣ, положивъ руки на колѣни. Потомъ облакачивается на столъ, закрываетъ лицо руками и начинаетъ плакать неудержимо горько, какъ ребенокъ.

— Батюшка, что съ вами,– вскакиваетъ со стула завѣдующій.—Выпейте воды!

Священникъ подымается со стула, прислоняется къ буфету и не можетъ сказать отъ рыданій ни одного слова. Завѣдующій стоитъ передъ нимъ въ недоумѣніи, мы всѣ молчимъ.

— Вѣдь я жилъ съ ними, старался, чтобъ они были хорошими,—наконецъ, сквозь рыданія выговариваетъ батюшка:

— Постоянно говорилъ съ ними, а они врутъ, обманываютъ. Какъ мнѣ обидно! Какъ мнѣ грустно! Какъ мнѣ горько!

Теперь я вспоминаю свой наивный вопросъ священнику о томъ, что у него „нѣтъ грѣховъ“. Теперь послѣ его слезъ я понялъ, что именно поразило меня въ его лицѣ.

Батюшка конфузливо удаляется.

Я устраиваю въ общей каютѣ небольшую выставку картинъ Ильи Вылки.

Пароходный свистокъ, это—буфетно-винный: продажа вина разрѣшена буфетчику. Отъѣзжающія отъ парохода лодки наполнены самоѣдами, нѣкоторые самоѣды уже успѣли напиться, всѣ они бережно держатъ въ рукахъ бутыли, бутылки и бутылочки съ зеленовато-бѣлой влагой.

Я прощаюсь съ Вылкой, онъ сходитъ по трапу внизъ, его отецъ Константинъ стоитъ на веслахъ, а на носу карбаса, стоя подплясываетъ вдребезги пьяная самоѣдка, она того и гляди упадетъ въ океанъ.

— Эй тетка! Осторожнѣй! Сядь лучше! — кричатъ ей съ парохода, у всѣхъ замираетъ сердце. Но „тетка“ не обращаетъ на крики никакого вниманія; она танцуетъ, жестикулируетъ и разговариваетъ сама съ собой.

Вылка уныло стоитъ въ карбасѣ, карбасъ отваливаетъ.

— „Опять остался одинъ“,—говоритъ самъ себѣ Вылка.

И намъ долго виденъ удаляющійся карбасъ, гребущій Константинъ, грустно стоящій Вылка и пляшущая на носу карбаса самоѣдка.

Теперь уже настоящій свистокъ не буфетный. Завизжали якорныя цѣпи, слышенъ сигналъ механику внутри парохода, винтъ солидно и не спѣша начинаетъ ударять за кормой. Чуть видно становище, карбасъ съ Вылкой. Мы выходимъ въ открытый океанъ; пароходъ качаетъ, начинается штормъ. Общая каюта опустѣла, оживленіе на пароходѣ кончилось.

Я стараюсь заснуть, сквозь сонъ я иногда чувствую, что опускаюсь куда то низко, низко, потомъ постепенно поднимаюсь вверхъ, вотъ вотъ съѣду съ дивана на полъ, но потомъ опять отправляюсь на прежнее мѣсто. Качка усиливается. Она на меня не дѣйствуетъ. Я засыпаю, но сквозь сонъ чувствую, какъ по временамъ осторожно и тихо идетъ пароходъ; вотъ винтъ совсѣмъ не работаетъ, вотъ мы стоимъ, вотъ опять осторожно пошли. На палубѣ холодно, дуетъ ледяной вѣтеръ, и мнѣ лѣнь пойти узнать, отчего мы идемъ не полнымъ ходомъ. Я опять засыпаю. Спускаютъ якорь.

— Въ Малыя Кармакулы пришли, говоритъ чей-то голосъ.

Мы стоимъ. Качки нѣтъ, въ губѣ тихо.

— Что же это такое?—слышу я чей-то голосъ.—Обратите вниманіе, такъ невозможно.

Я открываю глаза и вижу, что передъ чиновникомъ, вѣдающимъ самоѣдскія дѣла, стоитъ буфетчикъ съ разстроеннымъ лицомъ. Буфетчикъ одѣтъ очень прилично, но его галстукъ не въ порядкѣ или, лучше сказать, половина галстука: нижняя часть оторвана, а верхняя стоитъ перпендикулярно къ буфетчику, и кажется, что у него на воротничкѣ подъ подбородкомъ выросло что-то особенное: не то грибъ, не то отростокъ.

— Схватилъ, это, онъ меня за галстукъ, а галстукъ 3 руб. стоитъ, и говоритъ: „коль водки не даешь, такъ вотъ тебѣ за это!“ Да какъ дернетъ!

— Да кто же это васъ?—спрашиваетъ чиновникъ.

— Промышленникъ,—отвѣчаетъ буфетчикъ. — Я прошу протокола и возмѣщеніе убытковъ по случаю галстука.

— Погодите, — отвѣчаетъ чиновникъ:—Теперь некогда, сейчасъ разгрузка начнется. Вотъ потомъ выйдемъ въ океанъ, тамъ и разберемся въ океанѣ съ вашимъ галстукомъ.

Я выхожу на палубу – здѣсь совсѣмъ зима, по берегамъ огромныя глыбы снѣга, напротивъ становище Малыя Кармакулы: три избы, церковь, метереологическая станція, сзади лиловыя горы, на горахъ мѣстами снѣгъ.

На огромномъ бѣломъ кускѣ снѣга у самого берега, кругомъ столбовъ, какъ заведенныя дѣтскія игрушки, упрямо и безнадежно ходятъ три бѣлыхъ медвѣженка.

Отъ нашего парохода быстро отъѣзжаетъ маленькая промысловая лодка—„пашка“, какъ ихъ тутъ называютъ. Въ „пашкѣ“ лежитъ въ дребезги пьяный. Судя по лицу онъ русскій, но одѣтъ въ самоѣдскую малицу. Голова его мотается безжизненно, и когда „пашка“ накреняется, то голова пьянаго касается воды. Гребетъ самоѣдъ. „Пашка“ похожа на скорлупу, и волнами ее швыряетъ, какъ щепку.

„Вотъ-вотъ утонутъ,“ думаю я, глядя въ бинокль на плывущихъ, но нѣтъ, они благополучно добираются до берега. Первымъ лѣзетъ на снѣгъ самоѣдъ, потомъ онъ помогаетъ пьяному выбраться изъ лодки. Пьяный лѣзетъ на четвереньках по крутому снѣгу, на болѣе плоскихъ мѣстахъ онъ ложится на спину и отдыхаетъ, а отдохнувъ, ползетъ на животѣ, потомъ опять на четвереньках; наконецъ, достигнувъ плоскаго мѣста, идетъ, пошатываясь, мимо бѣлыхъ медвѣжатъ, а мед-

вѣжата непрерывно, тоскливо ходятъ и ходятъ вокругъ столбовъ. Время отъ времени они начинаютъ выть, ревѣть и рычать, имъ откуда то отвѣчаютъ тоже ревомъ и воемъ другіе медвѣжата, которыхъ не видно съ парохода. Океанъ ударяетъ по снѣжной глыбѣ, на которой ходятъ медвѣжата, зеленовато-синей волной и отъ глыбы отрываются время отъ времени большіе куски и съ шумомъ падаютъ въ воду.

— Сегодня не будемъ разгружаться — говоритъ чиновникъ, вѣдающій дѣла колонистовъ. Въ губѣ штормъ, на кошку (мель около берега) нельзя складывать товары.

Пріѣхалъ изъ становища фельдшеръ.

— Ну, какъ у васъ?—спрашиваетъ чиновникъ.

— Все благополучно.

— Цынга есть?

— У Василія жена оцынжала, а у Михаила померла.

— Вотъ такъ благополучно!—говоритъ одинъ и туристовъ.

— Какъ промыслы?

— Песецъ на приманку не шелъ, мыши было много, и медвѣдей мало попадалось.

На палубѣ пилятъ и стучатъ топорами,—это плотники дѣлаютъ клѣтки для бѣлыхъ медвѣжатъ, тѣхъ самыхъ, которые теперь ходятъ привязанные къ столбамъ на берегу. Медвѣжата поѣдутъ съ нами въ Архангельскъ.

Къ четыремъ часамъ вѣтеръ сталъ тише, и я ѣду на берегъ.

Захожу къ монаху, зимовавшему здѣсь, со мной идетъ монахъ, ѣдущій вмѣстѣ съ нами на пароходѣ.

— Ну, какъ ваше драгоцѣнное, отецъ Наркизъ?—спрашиваетъ монахъ съ парохода зимовавшаго монаха. — Какъ спасаетесь?

— Да ничего,—вяло отвѣчаетъ отецъ Наркизъ.

У о. Наркиза одутловатое лицо и неподвижные глаза.

— Скучно вамъ здѣсь, о. Наркизъ?—спрашиваю я его.

— Нѣтъ ничего,—механически отвѣчаетъ тотъ,—зимой дѣла много: дѣтей учу, дрова съ берега въ избу нужно носить—говоритъ онъ, глядя куда то далеко, далеко.

— А что, о. Наркизъ, пуху гагачьяго не продадите?—спрашиваетъ монахъ съ парохода.

— Пухъ плохой,—отвѣчаетъ о. Наркизъ, -песцы поѣли птичьи яйца, птицы улетѣли, а пухъ разнесло.

Въ сосѣдней комнатѣ жена псаломщика укачиваетъ ребенка.

— Скучно вамъ тутъ было зимой?

— Не скучно,—отвѣчаетъ она равнодушнымъ голосомъ,—а мы въ Архангельскъ поѣдемъ съ этимъ пароходомъ!—вдругъ радостно заявляетъ она. Я захожу въ избу рядомъ. Въ избѣ чисто и просторно. Въ люлькѣ плачетъ ребенокъ. Люльку качаетъ молодой мужикъ.

— Гдѣ же у тебя жена?

— Въ апрѣлѣ отъ цынги померла,—отвѣчаетъ онъ,—вторая жена у меня тутъ помираетъ отъ цынги. Въ декабрѣ дочь родила, а въ апрѣлѣ померла. Она ребенка кормила грудью, вся истощалась и померла. Не плачь Клаша, не плачь,—говоритъ онъ, обращаясь къ ребенку.—Думаю ѣхать съ Новой Земли, промышлять не могу. Вотъ долженъ дите качать. На кого я ее оставлю?

— Осень дѣтей любитъ,—говоритъ сидящій тутъ самоѣдъ.

На столѣ никкелированный самоваръ, на стѣнѣ небольшая олеографія въ рамкѣ съ картины Пимоненко „Отъѣздъ казака,“ рядомъ портретъ Петра I-го. На лавкѣ лежитъ гармонія, на нарахъ чистыя оленьи шкуры.

Изъ другой избы тоже собираются уѣзжать въ Архангельскъ.

— Кто тутъ скучаетъ, кому тутъ не нравиться, того цынга беретъ,—говоритъ блѣдная, больная цынгой женщина, жена колониста.

— Страшно тутъ жить. Ночь зимняя длинная, длинная, темная. На улицу выйти нельзя — собаки злыя загрызутъ. Вотъ самоѣдъ Ледковъ самыхъ злыхъ собакъ недавно на птичій базаръ кормиться вывезъ. Самоѣды насъ русскихъ не любятъ, говорятъ: намъ однимъ лучше — чудные они. Водку очень любятъ. Все говорятъ „кумка водки“ —это по ихнему рюмка водки. Видѣли самоѣда Ѳедора? Чудной какой! Страсть ревнивый! На промыселъ не ходитъ, жену стережетъ отъ русскихъ, братъ за него промышляетъ, такъ и говоритъ: „изъ ружья застрѣлю, коли что“...

— Что же жена его красива?

— По здѣшнему мѣсту красивая, по самоѣдски, не по нашему.

— А жена его тоже ревнуетъ?

— То же ревнуетъ! Такъ другъ друга все и ревнуютъ. Что жъ, господинъ, лѣтовать тутъ будете?

— Нѣтъ, дальше поѣду. Прощайте!

— Прощайте!—отвѣчаетъ она.

Около крыльца стоитъ молодой парень и куритъ.

— Что жъ ты зимовалъ тутъ въ становищѣ?

— Зимовалъ,—отвѣчаетъ онъ,—раньше жилъ я въ Крестовой, да съ хозяиномъ не поладились, ну и промѣрилъ сюда зимой пѣшкомъ. Охота заработать! Да что тутъ заработаешь! Промыслы худые, постоянно человѣкъ подъ смертью находится. Дума постоянно. Вотъ самоѣдъ Ледковъ 6 дней голодовалъ. А то вдругъ зимой табаку въ складѣ не оказалось—плотники весь выкурили еще по осени. У здѣшней администраціи табаку не хватило! Ну, и пошелъ за табакомъ пѣшкомъ за 200 верстъ. Безъ табаку плохо - дума... Пошелъ, это, я съ собакой, а ружье мое самоѣдъ повезъ,—на 10-ти собакахъ ѣхалъ. Ружье я ему отдалъ, чтобы идти легче было. Поднялся вѣтеръ страсть какой, правда,—повѣтеръ, это мнѣ въ спину, а съ ногъ сшибаетъ. Сутки иду, другія иду, нельзя дальше идти. Что ты будешь дѣлать! Зарылся я въ снѣгъ. Лежалъ, лежалъ. Ѣсть хотца, а ѣсть нечего. Ну, думаю, зарѣжу собаку, съѣмъ. Вылѣзъ я изъ подъ снѣга, смотрю: собака какъ заревитъ. Смотрю. 8 полозовицъ на снѣгу, стало быть, тутъ недавно самоѣды проѣхали. Тутъ вскорѣ я ихъ нашелъ, они стоянку сдѣлали. Покормили, спасибо. А то бы я собаку съѣлъ! Я тутъ съ этой жизнью горя принялъ столько, что и во снѣ не увидишь.

— Что жъ въ Архангельскъ собираешься?

— Какое въ Архангельскъ! Нынче весной на промыслѣ стояли, ничего не попало. Охота заработать на Новой Землѣ, а промыслы трудно промышлять. Вотъ самоѣдамъ одинъ чортъ, что дома, что въ тундрѣ. Денегъ бы заработать! Въ Архангельскѣ погулять бы!—говоритъ онъ со сладкой улыбкой, подчеркивая слово погулять.

Становится холодно, сыро и пасмурно. Ѣду на пароходъ. По росписанію должна давнымъ давно наступить ночь, но свѣтло.

Между двумя длинными островами, въ проходѣ виденъ какой-то странный зеленоватый призракъ: не то гора съ тремя вершинами, не то судно съ тремя парусами—это приплыла изъ невѣдомыхъ, таинственныхъ странъ ледяная гора и засѣла на мели. Видно, какъ океанъ хлещетъ по ней бѣлой пѣной. Въ океанѣ штормъ. Солнце прорвало облака и освѣтило горы, и снѣга на вершинахъ заиграли розовыми, странными переливами.

— Судно видно,—кричитъ вахтенный матросъ.

Медленно и торжественно входитъ въ заливъ судно сѣраго цвѣта; это „Бакань". „Бакань" даетъ свистокъ, становится на якорь и спускаетъ шлюпку. Къ намъ на пароходъ ѣдетъ офицеръ.

Офицеръ пьетъ чай въ общей каютѣ.

— Въ Маточкиномъ Шарѣ льды, — говоритъ онъ, — мы едва ушли. Къ Крестовой, дальше въ океанѣ сплошные льды, пройти туда нельзя. Сегодня въ океанѣ былъ штормъ со снѣговыми шквалами, здорово насъ трепало. Вамъ, пожалуй, изъ-за льдовъ въ Маточкинъ Шаръ и въ Крестовую не попасть. Офицеръ получаетъ почту, которую мы привезли для „Бакана", и уѣзжаетъ.

На другой день съ утра вѣтеръ тише. Одна компанія туристовъ уѣхала охотиться на гусей, другая отправилась осматривать птичій базаръ [1]). Вечеромъ мы пойдемъ дальше въ Маточкинъ Шаръ.

Я и еще нѣсколько туристовъ ѣдемъ на берегъ фотографировать бѣлыхъ медвѣжатъ. Медвѣжата лежатъ на берегу, но снимать ихъ не интересно, позы ихъ не живописны.—Одинъ изъ туристовъ дразнитъ медвѣжатъ, чтобъ они перемѣнили позы. Медвѣжата злятся, ревутъ, бросаются на людей, въ это время ихъ фотографируютъ.

Я иду дальше. У избы стоитъ ревнивый мужъ, о которомъ мнѣ разсказывали вчера, а рядомъ съ нимъ его жена, „первая красавица по здѣшнему мѣсту". „Первая красавица" пьяна и едва стоитъ на ногахъ. Красавица начинаетъ объясняться въ любви туристамъ, сперва одному, а потомъ другому. Способъ объясненія въ любви очень оригинальный. Такъ какъ самоѣдка пьяна и помимо теряетъ равновѣсьѣ, то она, падая, ударяется головой въ грудь тому, съ кѣмъ она объясняется, потомъ она схватываетъ за талью того, кто ей нравится, куда то тащитъ и кричитъ:

— Пойдемъ!

— Да оставь ты меня, пожалуйста, — говоритъ туристъ. Тогда она начинаетъ объясняться тѣмъ же способомъ съ другимъ.

— Слушай, Александра, —говоритъ ей другой туристъ,— вотъ видишь тамъ, ходитъ господинъ, онъ тоже съ паро-

[1]) Птичьимъ базаромъ на сѣверѣ называютъ скалы, на которыхъ гнѣздятся сотни тысячъ птицъ. Крики этихъ птицъ иногда слышны за 7 верстъ.

хода, поди, пристань къ нему, ты будешь къ нему приставать, а мы съ васъ фотографическія карточки снимемъ.

— Я съ нимъ не знакома, —заявляетъ „красавица“ капризнымъ тономъ, падаетъ на землю и тутъ же засыпаетъ безмятежнымъ сномъ. Ревнивый мужъ стоитъ все время рядомъ въ равнодушной позѣ, заложивъ руки за спину. Изъ избы выбѣгаетъ другая самоѣдка въ ярко красномъ платьѣ, она тоже пьяна. За становищемъ въ сторонѣ одиноко стоитъ самоѣдскій чумъ. За чумомъ заливъ зеленовато-синяго цвѣта, на берегу залива деревянный шалашъ и нѣсколько лодокъ, сзади лиловыя горы, на горахъ снѣга.

Я стучу въ маленькую дверь чума, оттуда вылѣзаетъ самоѣдка, за ней ребенокъ; въ чумѣ на полу виденъ самоваръ, чайникъ и чашки.

У самоѣдки страшное загадочное лицо, совсѣмъ не самоѣдское. Черты лица правильныя. Увидя у меня фотографическій аппаратъ, она сдѣлала привѣтливое лицо, закивала головой, быстро пошла въ ближайшую избу, и вскорѣ возвратилась съ другой самоѣдкой. Теперь обѣ онѣ были одѣты въ паницы, въ красивыя шубы, мѣхомъ на верхъ.—Мѣха были подобраны очень гармоническими оттѣнками и отдѣланы орнаментами изъ бѣлыхъ шкурокъ. Рисунокъ орнаментовъ былъ тонкій и художественный.

Самоѣдки подошли къ чуму и стали позировать. Видимо, онѣ привыкли фотографироваться, и знали, что нужно было для этого дѣлать. Одинъ изъ самоѣдовъ здѣшняго становища имѣлъ фотографическій аппаратъ и продавалъ туристамъ фотографіи своей работы. Снимки были очень не дурные.

Несмотря на строгое запрещеніе продавать водку на пароходѣ до второго свистка, несмотря на то, что у траповъ дежурятъ два стражника, значительное количество самоѣдовъ и самоѣдокъ въ становищѣ пьяны. Видимо, кто-то перехитрилъ распоряженія начальства.

По берегу ходятъ матросы съ „Бакана“, они тутъ въ одной изъ избъ собираются печь хлѣбы.

— Ей, ты, флотъ! Нѣтъ ли выпить?— спрашиваетъ самоѣдъ проходящаго. У „флота“, видимо, нѣтъ запаса водки съ собой, и онъ не отвѣчаетъ, проходитъ мимо.

На пароходѣ идетъ спѣшная разгрузка: сегодня вечеромъ мы должны уйти дальше.

Внизу за бортомъ, на водѣ вой дикихъ звѣрей и плачъ

ребенка. Въ большомъ карбасѣ самоѣды везутъ бѣлыхъ медвѣжатъ на пароходъ и ѣдетъ колонистъ Михайло-вдовецъ съ ребенкомъ.

По трапу матросы начинаютъ втаскивать бѣлыхъ медвѣжатъ на палубу. Медвѣжата боятся матросовъ, матросы боятся медвѣжатъ.

— Какъ бы онъ носа не откусилъ,—говоритъ одинъ матросъ,—ишь какой крикучій.

Одного бѣлаго медвѣженка уже втащили на палубу, теперь его втаскиваютъ на клѣтку. Втащили на клѣтку, отняли подъ медвѣженкомъ доску; медвѣженокъ благополучно проваливается въ клѣтку. Тамъ онъ приходитъ въ бѣшенство, грызетъ дерево и рычитъ еще страшнѣе.

Теперь очередь слѣдующаго.

— Сорвался! Сорвался!—кричатъ на палубѣ.

— Ладно! Видали мы такихъ,—говоритъ матросъ, ловя цѣпь,—отправляйся, братъ, туда же.—И второй медвѣженокъ проваливается въ клѣтку. Теперь очередь третьяго.

Возвращаются туристы. Одна компанія ѣздила смотрѣть птичій базаръ. Одинъ изъ путешественниковъ для тепла надѣлъ трое панталонъ. Около самого птичьяго базара, когда приставали къ скаламъ, его съ ногъ до головы окатило волной. Изъ трехъ панталонъ получился отличный компрессъ для нижней части тѣла. Другіе отдѣлались болѣе благополучно.

Ко мнѣ подходятъ два самоѣда, одинъ изъ нихъ братъ художника Ильи Вылки, Филиппъ. У Филиппа завязанъ лобъ. У другого характерное инородческое лицо безъ бороды и усовъ.

— Ты, Василій Васильевичъ Переплецковъ?—спрашиваетъ человѣкъ безъ бороды и усовъ.

— Вѣдь ты нашего Илью въ Москвѣ училъ?

— Я.

— Ну, здравствуй, Василій Васильевичъ Переплецковъ! А мы и не знали, что ты на пароходѣ ѣдешь, намъ потомъ Филиппъ сказалъ.

— Слушай, Филиппъ,— говоритъ чиновникъ, завѣдующій самоѣдскими дѣлами:—ты въ Архангельскъ ѣдешь, а вѣдь денегъ у тебя нѣтъ. За тобой долги.

— Стало быть нельзя?— спрашиваетъ Филиппъ.

— Чѣмъ же ты жить будешь въ Архангельскѣ до слѣдующаго рейса?

— Ну, такъ останусь, — соглашается Филиппъ.—Я въ Бѣлушью отсюда на собакахъ уѣду. Надо письмо губернатору написать. Ну, Василій Васильевичъ Переплецковъ. Я буду тебѣ говорить, а ты губернатору письмо пиши:

„Дорогой кумъ Ваше Превосходительство".

— Написалъ?

— Написалъ!

„Жена моя — твоя кума и твой крестникъ умерли отъ кори".

— Написалъ?

— Написалъ!

„Я раненъ въ лобъ петровскимъ ремингтономъ, который разорвался. Лежалъ 3 мѣсяца больнымъ и не промышлялъ. Я боюсь теперь изъ ружья стрѣлять, боюсь, что всѣ ружья будутъ разрываться. Хожу съ завязаннымъ лбомъ. Хотѣлъ ѣхать въ городъ—денегъ нѣтъ. Спасибо за присланное ружье. Филиппъ Вылка. 13 іюля 1913 года".

— Ну, прощай Василій Васильевичъ Переплецковъ. Спасибо, что написалъ письмо.

Оба самоѣда уходятъ.

Разгрузка парохода кончилась. Мы готовимся уходить. Капитанъ безпокойно поглядываетъ на берегъ.

— Вѣтеръ къ берегу—берега въ туманѣ,—говоритъ онъ.—Плохо! Лучше бы вѣтеръ съ береговъ былъ, тогда было бы ясно. Не очень удобно въ такую погоду изъ губы выходить.

Время отъ времени горы на берегахъ исчезали, задергиваясь туманомъ, а когда вѣтеръ проносилъ туманы, то виднѣлись еще болѣе побѣлѣвшія горы: на горахъ шелъ снѣгъ.

Послѣдніе карбаса отваливаютъ отъ парохода, въ карбасахъ радостные самоѣды съ бутылями, бутылками и бутылочками въ рукахъ.

— Ну, и покачаетъ насъ нынче въ океанѣ,—говоритъ одинъ изъ туристовъ:—посмотрите! Вотъ тамъ ледяная гора, какъ высоко взлетаетъ пѣна отъ волны; штурманъ говоритъ, что трепанетъ.

— Да, форменная будетъ трепанація,—соглашается другой туристъ:—готовьтесь, господа!

Якорь поднятъ, мы обходимъ „Бакана" и осторожно направляемся къ выходу изъ губы.

Громадныя скалы поднимаются надъ океаномъ, по нимъ

ударяетъ бѣлой пѣной океанъ. Въ бинокль видны на отвѣсныхъ стѣнахъ скалъ тысячи бѣлыхъ точекъ, это—птицы. Мы проходимъ мимо птичьяго базара. Теперь ночь, и птицы спятъ.

Базарный островъ осталося далеко позади, мы благополучно вышли изъ губы и теперь въ открытомъ океанѣ.—Насъ покачиваетъ довольно порядочно. Я иду внизъ и стараюсь заснуть. „Въ океанѣ мягко"—припоминаются мнѣ слова капитана.

Не помню, сколько времени я спалъ.

— Василій Васильевичъ, Василій Васильевичъ, вставайте!—Передо мной стоялъ капитанъ.—Ледяная гора, удивительно красивая,—говоритъ онъ.

Я выбѣгаю на палубу. Волны океана, горы дальняго берега, покрытыя снѣгами, облака –все это сѣровато-синяго цвѣта изъ драгоцѣннаго атласа.—Было что-то нѣжное и очаровательное во всѣхъ цвѣтахъ и формахъ. Направо плыветъ синее чудовище - гора не гора, корабль не корабль, это ледяная гора.—Стамуха, какъ ихъ тутъ называютъ. Гора съ каждой минутой дѣлается все меньше и меньше, видимо, она плыветъ въ другомъ направленіи, чѣмъ мы. Волны океана переливаются зеленовато-синими оттѣнками, и всплескиваютъ бѣлые гребни. Снѣгъ на далекихъ горахъ отливаетъ серебромъ. Начались волшебныя полярныя страны.

Я иду пить кофе въ общую каюту. Вдругъ у меня надъ головой началась безпокойная бѣготня. Видимо, случилось что-то неожиданное. Пароходный винтъ работаетъ все осторожнѣе и, наконецъ, совсѣмъ остановился.

Я выскакиваю на палубу. Матросъ спѣшно убираетъ лагъ—инструментъ для измѣренія скорости хода судна.

— Ледъ!—кричатъ съ капитанскаго мостика.— Плавучіе льды! Ледяное поле!

Пароходная качка почти совсѣмъ прекратилась, впереди въ океанѣ бѣлая полоса и не разберешь, что это такое: просвѣтъ ли въ небѣ къ горизонту или снѣгъ.

— Проходъ во льдахъ виденъ! Можно пройти!—кричатъ съ капитанскаго мостика.

Пароходъ идетъ осторожно. Мимо начинаютъ проплывать льдины, сперва рѣдкія, а потомъ все чаще и чаще. Льдины движутся серьезно и не торопясь: онѣ плоскія, наверху у нихъ снѣгъ, а внизу зеленовато-синяя подкладка. Края у нѣкоторыхъ загнуты зубцами кверху и напоминаютъ не то

пальцы, не то когти, протянутые къ небу. Льдины качаются на темныхъ, густыхъ зеленовато-синихъ волнахъ. Одно время пароходъ идетъ среди бѣлаго круга, во всѣ стороны разстилаются ледяныя поля.

Всѣ туристы уже проснулись, и на палубѣ идетъ настоящая фотографическая оргія. Кто снимаетъ, поставивъ аппаратъ прямо на бортъ, кто на треножникъ, и видны только три ножки штатива и двѣ ноги фотографа, а остальное закрыто темноїй матеріей—это фотографъ тщательно наводитъ „на фокусъ“ плывущее ледяное поле.

На капитанскомъ мостикѣ напряженное вниманіе, оттуда пристально наблюдаютъ въ бинокли горизонтъ. Имъ теперь не до фотографіи.

— Конецъ виденъ,—говоритъ штурманъ. — Славу Богу! Скоро выберемся.

Льдины рѣдѣютъ, и скоро ледяныя поля остались на горизонтѣ, и снова было трудно разобрать: что это просвѣтъ ли на небѣ или снѣга.

Въ океанѣ теперь окончательно стихло. Горы на берегахъ становятся все выше и выше. Пароходъ полнымъ ходомъ повертываетъ къ востоку. Мы входимъ въ проливъ Маточкинъ Шаръ.

Маточкинъ Шаръ это—поэма изъ лиловыхъ горъ, снѣговъ и сине-зеленаго океана. Все это задернуто тонкимъ, прозрачнымъ, серебристымъ туманомъ. Сейчасъ звучитъ эта поэма подъ аккомпаниментъ рева бѣлыхъ медвѣжатъ, которые не переставая ревутъ на палубѣ.

На высокихъ лиловыхъ горахъ странными прямоугольными орнаментами лежатъ снѣга, и форма этихъ орнаментовъ очень напоминаетъ характеръ мѣховыхъ узоровъ на самоѣдскихъ паницахъ.

Самыя высокія снѣговыя вершины срѣзаны нависшими облаками, нѣкоторыя горы сплошь бѣлыя. Кой-гдѣ сквозь тонкій туманъ сіяютъ чистые бѣлые снѣга вершинъ.

На палубѣ опять по всѣмъ направленіямъ работаютъ фотографы.

Пароходъ повертываетъ въ Поморскую губу. Среди большихъ горъ чуть замѣтны маленькія избы становища.

Вонъ та побольше это—изба художника Борисова, вонъ гора Пила, вонъ гора Носилова.

Въ становищѣ началась ружейная пальба, у насъ на пароходѣ тоже непрерывная стрѣльба.

Къ пароходу быстро подъѣзжаютъ карбаса съ самоѣдами.

— Здорово!

— Здорово!

— Ну, какъ промышляли?

— Плохо!

Одна компанія туристовъ на моторѣ отправляется въ проливъ на охоту.

— Ну, господа,—говоритъ имъ капитанъ,—если съ океана подуетъ вѣтеръ, я дамъ тревожный свистокъ, брошу разгрузку и сейчасъ же уйду въ океанъ. Если поднимется вѣтеръ съ океана, насъ можетъ затереть льдами. Конечно, я васъ не оставлю, подожду, только вы... того... поторапливайтесь, а то плохо намъ придется.

Другая компанія отправляется на берегъ восходить на гору Пилу.

Всѣ уѣхали. На пароходѣ идетъ разгрузка. Я пишу, и никто мнѣ не мѣшаетъ.

— Дай веревку,—слышится чей-то спокойный, ровный голосъ за бортомъ парохода.

— Слышишь ты, веревку справа брось,—говоритъ тотъ же голосъ спокойнымъ, дѣловымъ тономъ.

— Человѣкъ за бортомъ!—кричатъ на пароходѣ.—Штурманъ тонетъ!—На палубѣ начинается бѣготня. Я наклоняюсь надъ бортомъ и вижу штурмана по поясъ въ водѣ, онъ держится одной рукой за веревку, которую ему уже успѣли бросить, а другой за багоръ. Спускаютъ веревочную лѣстницу.

Штурманъ, весь мокрый, лѣзетъ на палубу по веревочной лѣстницѣ. Видъ у него недовольный, но отнюдь не испуганный; такой видъ бываетъ у человѣка, когда онъ нечаянно упадетъ въ грязь, и ему предстоитъ хлопотная процедура переодѣванія.

— За багромъ полѣзъ,—говоритъ совершенно спокойно штурманъ,—да и оборвался,—и отправляется переодѣваться, оставляя мокрые слѣды на палубѣ.

Къ вечеру я ѣду на берегъ. У самаго берега лежатъ льдины, это—остатки зимняго льда, который только два дня тому назадъ вѣтромъ вынесло въ океанъ.

На берегу множество самоѣдскихъ ѣздовыхъ собакъ. Въ избѣ художника Борисова живутъ самоѣды, только мастерская,—комната съ большимъ окномъ, не обитаема.

Около избы, не переставая, ходитъ вокругъ столба, привя-

занный бѣлый медвѣженокъ.—Верхъ другой избы наполовину безъ крыши, на этомъ верху на жердяхъ качаются шкуры бѣлыхъ медвѣдей, около шкуръ возится старая самоѣдка въ красномъ ситцевомъ платьѣ. Захожу въ избу, тамъ грѣются туристы и слушаютъ разсказъ исаломщика, какъ онъ нынче зимой на охотѣ нечаянно отстрѣлилъ себѣ палецъ.

Исаломщикъ, видимо, въ тысячный разъ разсказываетъ эту исторію. Разсказъ уже кончался, когда я вошелъ въ избу:

— Ну, такъ я и ѣхалъ до становища, сутки ѣхалъ безъ всякой помощи.—Вотъ теперь безъ пальца и остался.

На нарахъ совершенно равнодушно сидятъ двѣ самоѣдки: одна старая, слѣпая, та самая, которую я видѣлъ на верху избы, другая молодая. Плачетъ маленькій ребенокъ.

— Вотъ самоѣды, когда женяться, не приданое берутъ, а еще деньги за невѣстъ платятъ, говоритъ исаломщикъ.

— За тебя сколько заплатили?—спрашиваетъ онъ молодую самоѣдку.

– Восемьдесятъ рублей,—отвѣчаетъ та.

Къ ночи вѣтеръ стихъ. Полуночное, полярное солнце по временамъ сквозь облака освѣщало краснова тымъ свѣтомъ снѣговыя вершины. Въ тихой водѣ залива темными сине-зелеными силуэтами отражались горы. Что-то суровое, значительное и въ то же самое время нѣжное и очаровательное было во всей природѣ.

Спать не хотѣлось. На пароходѣ не прекращалась жизнь, шла спѣшная разгрузка. Одинъ изъ туристовъ справлялъ свои именины. Въ пароходной рубкѣ играли въ карты, слышно было, какъ буфетчикъ откупоривалъ шампанское, а на палубѣ, не переставая, выли и рычали бѣлые медвѣжата.

Солнце выше и выше поднималось на небѣ. Горы залива изъ красныхъ стали сперва розовыми, а потомъ свѣтло-серебристыми, а океанъ зеленовато-голубымъ.

На палубѣ идетъ непрерывный хохотъ. Самоѣдъ Ефимъ Хатанзай, стоя на колѣняхъ передъ нѣмецкой писательницей, при всѣхъ объясняется ей въ любви и предлагаетъ стать немедленно, безо всякихъ разговоровъ его женой.

Давѣдь я замужемъ, - говоритъ нѣмецкая писательница.

— Это ничего,—возражаетъ Хатанзай,—я самъ женатъ. Я за тебя твоему мужу заплачу 400 рублей и пошлю ему вмѣсто тебя мою жену –слѣпую старуху, а ты оставайся со мной.

Писательница прогуливается по палубѣ, а Хатанзай ходитъ за ней на колѣняхъ и все время неотступно проситъ составить его счастье.

Радостное, доброе, свѣтлое было во всемъ.

Радостно и бодро прозвучалъ пароходный свистокъ, радостно отваливаютъ послѣднія лодки отъ парохода.

— Прощай, Николай Яковлевичъ! - кричитъ чиновнику добродушный, самоѣдскій голосъ изъ лодки.—Не забывай насъ!

Лодка, наполненная самоѣдами, сверкаетъ на солнцѣ бутылками съ водкой, самоѣды гребутъ энергично и съ каждой минутой дѣлаются на нашихъ глазахъ все меньше и меньше.

Густо повалилъ черный дымъ изъ пароходной трубы, заработалъ у парохода винтъ.

Становище, горы, снѣга быстро уменьшались на нашихъ глазахъ. На безоблачномъ небѣ сіяло солнце. Мы выходили въ океанъ.

Качки нѣтъ, чуть плещетъ зеленовато-синяя волна. Съ одной стороны безпредѣльность воды и неба, а съ другой—цѣпи береговыхъ горъ. Всѣ горы въ снѣгахъ. Берегъ уходитъ мысомъ въ океанъ, но кончается какой-то страшной фигурой, какъ будто берегъ обломился и виситъ въ воздухѣ. У далекаго берега какая-то странная вода: не то тамъ полная тишина, не то плаваютъ вертикальныя, бѣлыя фигуры, а тамъ, гдѣ безпредѣльный океанъ и бездонное небо, гдѣ берега нѣтъ, тамъ тоже плывутъ какія-то фантастическія фигуры: громадный грибъ на тоненькой ножкѣ, что-то похожее на судно, но не судно, что-то похожее на ледяныя горы, но не горы. Киты не киты. Это—миражи. Мы плывемъ въ царствѣ миражей. Кругомъ свѣтло, ясно. И вдругъ надъ далекими, бѣлыми горами, надъ сине-зеленымъ океаномъ въ воздухѣ показывается далекое становище Маточкинъ Шаръ. Вонъ изба Борисова, вонъ другая изба. Берегъ оборвался и сталъ похожъ на крокодила. Становище перевернулось и исчезло. Это все миражы, обманы океана

По мѣрѣ того, какъ мы поднимаемся все дальше и дальше на сѣверъ, внѣшность нашего парохода дѣлается все своеобразнѣе и своеобразнѣе. Всюду ружья и фотографическіе аппараты. Въ общей каютѣ на столѣ карты Новой Земли, карты глубинъ Ледовитаго океана, книги о Новой Землѣ, книги съ газетными вырѣзками о Новой Землѣ, о

полярныхъ экспедиціяхъ Сѣдова, Русанова. Въ клѣткахъ или просто на цѣпяхъ ревутъ, не переставая, бѣлые медвѣжата. Ѣдутъ живые, дикіе гуси, поїманные на Новой Землѣ. Въ общей каютѣ посвистываетъ Пупочка, небольшая полярная птичка. Она клюетъ ноты на піанино, перелетаетъ на столъ, клюетъ географическія карты и книги съ газетными вырѣзками.

Въ рубкѣ около лѣстницы идетъ новая самоѣдская малица и пимы (самоѣдская теплая обувь). Кто-то придалъ малицѣ человѣческую фигуру, поставилъ подъ малицей пимы, посадилъ на диванъ, и по первому впечатлѣнію кажется, что ѣдетъ настоящій живой самоѣдъ.

На палубѣ въ ящикахъ качаются выкопанныя съ корнями и землей крупныя, ярко-голубыя новоземельскія незабудки, вероника, альпійскій желтый макъ, альпійскія фіалки, молочайникъ. Тутъ же лежатъ убитыя и выпотрошенныя для набивки чучелъ полярныя птицы: чистикъ, пупочка, куликъ. Оленьи рога привязаны веревками къ бортамъ, чтобъ ихъ не унесло въ океанъ во время шторма. По каютамъ висятъ оленьи шкуры, самоѣдскія куклы, пестрыя мѣховыя сумочки. Всюду голубовато-зеленыя съ черными узорами яйца гагаръ, разные камни: горный хрусталь, кварцы, сланцы.

Лѣтніе костюмы давно замѣнены теплыми норвежскими, матросскими фуфайками, и, кромѣ того, на каждомъ надѣто еще что нибудь теплое. Въ каютахъ пущено отопленіе, но освѣщенія не полагается, ибо круглые сутки намъ свѣтитъ не заходящее полярное солнце.

Теперь начинается царство снѣговъ, льдовъ и океана. Мы повертываемъ въ Крестовую губу, въ Ольгинское становище — самый сѣверный поселокъ на Новой Землѣ, лежащій за 74° с. ш. Дальше къ сѣверу идутъ уже совершенно бѣлыя горы, сплошь засыпанныя снѣгомъ, глетчеры спускаются прямо въ океанъ. Мнѣ жаль, что мы не пойдемъ дальше.

Мы идемъ Крестовой губой. Горы становятся все выше и выше. Пароходъ гидрографической экспедиціи „Савватій", пришедшій сюда раньше насъ, кажется крошечнымъ среди громадныхъ горъ. Горы имѣютъ какой-то хищный видъ, онѣ полосатыя: съ бѣлыхъ плоскихъ полей на вершинахъ мѣстами сдуло снѣгъ, и обнажились до странности правильными линіями діабазы (вулканическія горныя породы), такими же странными правильными линіями лежитъ

снѣгъ по склонамъ. Становище среди горъ кажется маленькимъ и незамѣтнымъ. Стало холодно и сурово. У насъ на палубѣ всѣ какъ будто немножко присмирѣли. Медвѣжата выли и ревѣли изо всѣхъ силъ. Что-то суровое, безпощадное и величественное было во всей природѣ.

Мы проходимъ мимо „Савватія“, тамъ на палубѣ вся команда, всѣ члены экспедиціи. На „Савватіи“ кричатъ намъ „ура“. Въ становищѣ пальба. У насъ на пароходѣ тоже кричатъ ура и безостановочно палятъ изъ ружей.

Когда все успокоилось, слышно было, какъ кто-то подъѣхалъ къ пароходу, и чиновникъ, свѣсившись за бортъ, разговаривалъ съ пріѣхавшимъ.

— Ну что, какъ у васъ? Все благополучно?

Голосъ внизу зловѣще медлитъ отвѣтомъ.

— Н..н..ѣтъ!

— Боленъ кто?

— Умеръ.

— Кто?

— Андрей Долгобородовъ.

— Когда?

— Вчера.

— Отчего?

— На промыслѣ простудился.

— А Усовъ здоровъ?

— Нѣтъ, тоже боленъ.

— Цынгой?

— Цынгой. И Усовъ оцынжалъ, и жена его оцынжала.

Пріѣхали съ берега колонисты, привезли невеселыя свѣдѣнія объ экспедиціи Сѣдова. Фоку, судно экспедиціи, все время пути отъ Архангельска до Новой Земли трепали штормы, воды въ трюмѣ было до 18 дюймовъ, Потомъ, когда Фока пошелъ океаномъ на землю Франца Іосифа, опять начались сильные штормы. На дняхъ заходило въ Крестовую губу норвежское промысловое судно, команда этого судна будто бы видѣла во льдахъ Фоку, но уже безъ экипажа.

Первая шлюпка съ туристами ушла на берегъ. Туристы отправились осматривать ближайшій полярный ледникъ.

Къ намъ на пароходъ пріѣхалъ полковникъ Арскій, начальникъ гидрографической экспедиціи. Плаваніе экспедиціи до Новой Земли было трудное. Былъ сильный штормъ, скорость вѣтра доходила до 28 метровъ въ секунду. Водой

заливало рубку перваго класса. Пришлось отстаиваться въ губѣ. Экспедиція будетъ ставить створные и опознавательные знаки около становищъ Новой Земли, и останется въ полярныхъ странахъ до сентября.

Въ слѣдующемъ карбасѣ ѣдетъ на берегъ за льдомъ буфетчикъ, я ѣду съ нимъ.

Въ становищѣ пустынно, всѣ на похоронахъ Бѣлобородова. Около одной избы промышленникъ запрягаетъ собакъ въ нарты (самоѣдскія сани). За двѣ версты отъ становища вырыта могила, и туда повезутъ на собакахъ гробъ.

Въ часовнѣ идетъ отпѣваніе, и черезъ открытую дверь слышно пѣніе.

Въ часовнѣ пьяный рабочій съ измазаннымъ сажей лицомъ, пріѣхавшій съ парохода, не знаетъ, что ему дѣлать, и мѣшаетъ служить.

— „Ниже на всякое время и на всякій часъ“. Поди вонъ отсюда, не мѣшай!—прерываетъ службу монахъ, обращаясь къ рабочему:—тебѣ говорятъ, не мѣшай!

Подъѣхали нарты, запряженныя собаками, и остановились у часовни. У собакъ добродушный видъ. Слышно, какъ заколачиваютъ гробъ.

— „Святый Боже, святый крѣпкій, святый безсмертный“,— запѣли въ часовнѣ. Собаки, поднявъ морды кверху, всѣ завыли въ тонъ пѣнію, затявкали, и завыли, обезпокоенныя, собаки въ становищѣ, и весь воздухъ наполнился ноющимъ, печальнымъ воемъ собакъ и церковнымъ пѣніемъ.

Вынесли гробъ и поставили на нарты. Собаки еще не трогаются, всѣ стоятъ молча въ какихъ-то странныхъ, напряженныхъ позахъ, одинъ изъ туристовъ фотографируетъ гробъ, нарты, собакъ.

Сани тронулись. Проѣхавъ шаговъ сто, собаки остановились, на гробъ упала темная фигура и заголосила:

— О...о...о.., на кого ты меня о...о... оставилъ!—Это вдова покойнаго.

Но плакать некогда, быть можетъ, скоро уйдетъ пароходъ, на которомъ отсюда уѣдетъ вдова. Темную фигуру стаскиваютъ съ гроба, собаки опять трогаются.

Пѣнія нѣтъ,— это безпокоитъ собакъ, всѣ идутъ молча, опустивъ головы.

И долго, долго было видно въ прозрачномъ воздухѣ Новой Земли все уменьшающіяся и уменьшающіяся фигуры собакъ, священника въ золотой ризѣ, провожающихъ, а надъ

ними возвышались громадныя, полосатыя снѣговыя горы, освѣщенныя полуночнымъ солнцемъ; тявкали и подвывали ѣздовыя собаки въ становищѣ, шумѣла рѣка, было холодно, вѣтрено, не уютно и печально. Казалось, что здѣсь въ этомъ далекомъ, далекомъ мѣстѣ печаль и тоска сидѣли въ каждомъ камнѣ, въ каждомъ кускѣ снѣга на берегу.

Я зашелъ погрѣться въ избу. Въ избѣ тепло, какъ въ банѣ, съ потолка капаетъ вода, по стѣнамъ отъ сырости растутъ грибы, на печкѣ устроенъ шалашъ, и тамъ живутъ колонисты.

— Въ шалашѣ зимуемъ,— говоритъ мнѣ женщина,— а то очень сыро.

Виситъ люлька; въ люлькѣ тоже устроенъ шалашъ, чтобы не капало съ потолка на ребенка. Изба выстроена изъ сырого лѣса.

Въ сосѣдней избѣ сухо и чисто. У окна за столомъ сидитъ молодая женщина и плачетъ.

— Вотъ ногу сѣбѣ вывихнула вчера,—говоритъ мнѣ она.—На пароходъ нужно собираться, мы всѣ изъ становища уходимъ, а какъ соберусь, коль ходить не могу. Мужъ на похоронахъ.

На столѣ рядомъ съ самоваромъ лежитъ книга: „Книга посѣщеній Ольгинскаго поселка въ Крестовой губѣ на островѣ Новая Земля“. На послѣдней страницѣ слѣдующія записи:

„1912 г. авг. 27 дня, по пути къ сѣверному полюсу, завернули къ гостепріимнымъ Ольгинцамъ на необходимый отдыхъ. Отрадно видѣть было, что Ольгинскій поселокъ съ 1910 г. замѣтно разросся. Одно только жаль, что метереологическая станція потерпѣла аварію отъ шторма, и прекратила свое дѣйствіе. Провѣрилъ время колонистовъ, и оказалось, что они, пользуясь солнечными часами, мною установленными въ 1910 г., жили лишь на 20 минутъ сзади. Желаю отъ души дальнѣйшаго счастливаго пребыванія лихимъ колонизаторамъ крайняго сѣвера.

Старшій лейтенантъ Сѣдовъ“.

„1912. Авг. 27. Посѣтилъ какъ окрестность, такъ и поселокъ Ольгинскій геологъ экспедиціи къ сѣверному полюсу, М. Павловъ. Отъ души привѣтствую смѣлыхъ обитателей“.

„Смѣлымъ піонерамъ нашего дальняго сѣвера желаю счастья и удачи въ промыслахъ. Географъ экспедиціи къ сѣверному полюсу Владиміръ Визе“.

„Посѣтилъ во второй разъ Ольгинскій поселокъ и своихъ старыхъ знакомыхъ колонистовъ, съ которыми провелъ цѣлое лѣто. Слава Богу, поселокъ крѣпко установился. Обитатели живы и здоровы. Желаю того же и дальше. Промысла хорошаго желаю молодцамъ. Н. Пинегинъ“ (художникъ).

Печально звучатъ всѣ эти пожеланія, записанныя въ этой книгѣ теперь, когда всѣ колонисты покидаютъ Ольгинскій поселокъ.

Какова жизнь промышленниковъ въ этихъ страшныхъ мѣстахъ, можно видѣть изъ слѣдующей исторіи. Въ сорока верстахъ отъ Ольгинскаго поселка въ Мелкой губѣ въ 1838 г. умеръ отъ цынги извѣстный изслѣдователь Новой Земли прапорщикъ Циволька.

Тамъ, на берегу океана высоко на горѣ стоитъ крестъ на его могилѣ и остались три избы, въ которыхъ зимовалъ Циволька и его команда.

Эти избы были отремонтированы рыбопромышленникомъ Масляниковымъ, и тамъ на зиму 1909—10 г. поселились промышленники: Николай Кулебякинъ, Ѳедоръ Хлоповъ, Александръ Павловскій, самоѣдъ Петръ Осокинъ съ женой и двумя сыновьями.

Остался любопытный дневникъ, рисующій жизнь этой колоніи въ Мелкой губѣ. Дневникъ этотъ называется такъ:

« Сія книга крестьянина Архангельской губерніи, Шенкурскаго уѣзда, Кургоминской волости, села Яковлевскаго Николая Яковлевича Кулебякина, нанявшагося на промыслы на Новой Землѣ, отъ конторы Масленикова Дмитрія Николаевича, промышлять гольца и звѣря. Изъ сего промысла половина хозяину, другая на промышленниковъ. Состоитъ 4 человѣка.

Ноябрь.

15. Вѣтрено и мѣсяцъ. Дня совсѣмъ не стало.

30. Медвѣдь подходилъ къ избѣ и сталъ грызть равушку (Ободранная туша морского звѣря).

Когда услышали и вышли съ ружьемъ, то онъ убѣжалъ, не удалось стрѣлять, дальше ходить опасно, темно, стрѣлять не видно. Живемъ покуда хорошо. Дружно и весело проводимъ время.

Декабрь.

5. Бываетъ зорька не на долго, едва можно стрѣлять, и опять темная ночь.

Канунъ моего дня Ангела. Вечеромъ попили чай. Помылся въ рукомойникѣ намѣсто бани. Переодѣлъ бѣлье и зажегъ лампаду.

6. Тихо, морозъ. По случаю праздника не ходили никуда. Самоѣдинъ Осокинъ ходилъ къ морю, промыслилъ 2 нерпы.

20. Вѣтерокъ и морозъ. Стало замѣтно прибывать зари.

23. Небольшой вѣтерокъ и морозъ. Сѣверное сіяніе.

Январь.

6. Ясно, холодно, сѣверное сіяніе. Ал. Павловскій сильно хвораетъ и команда стала жаловаться на болѣзнь.

7. Ясно, морозъ. Топили баню и угорѣли. Съ Артюшкой самоѣдомъ отваживались.

10. Ясно. Сильный морозъ. Угорѣли.

24. Вѣтрено, тепло. Время самое печальное. Команда хвораетъ. Только и слышишь, что „о, Боже мой“. Ходить никуда нельзя. Стоятъ погоды. Въ квартирѣ сырость.

25. Вѣтеръ и тепло. Дѣлалъ люкъ въ чердакѣ.

26. Тихо и пасмурно. Печальный день: померъ Павловскій въ 5 ч. 20 м. вечера. Топили баню, убирали тѣло, зажгли свѣчу и покадили. Наступаетъ ночь.

27. Тихо. Выпало много снѣгу. Назначена вахта у покойнаго. Сидѣли поперемѣнно съ утра. Стали дѣлать гробъ и стали вырубать могилу. Грунтъ очень твердый, вырубили немного и погребли покойнаго рядомъ съ прапорщикомъ Циволькой, у креста на горѣ. Команда все дѣлается больнѣе. Анна плачетъ, и самъ чувствую въ ногахъ боль.

29. Первый день солнышко. Ясно и сильный морозъ. Ночью топили печи и угорѣли четверо: Анна, Аришка, Ѳедька. Гришка.

Отваживались.

Февраль.

1. Пасмурно и вѣтеръ. Промыслили 7 нерпъ. Перенимать ѣздили на льдинахъ. Карбасъ стащить не могли. Много звѣря уноситъ въ море, такъ какъ команда хвораетъ. Ночью сѣверное сіяніе.

3. Сильный вѣтеръ и вьюга. Заклало избу, насилу вышли.

4. Вѣтеръ и погода. Половину губы нанесло льду. Звѣрь отошелъ. Харчу никакого нѣтъ. Варили и жарили равушку норичью.

11. Пасмурно, тихо. Хлоповъ совсѣмъ слёгъ. Топили баню. Плохо.

12. Пасмурно, тихо. Хлоповъ совсѣмъ слёгъ.

14. Пасмурно, тихо. Ходили къ морю и къ рѣкѣ. Осокинъ за дровами. Остальные лежатъ больные очень.

15. Пасмурно, вѣтерокъ. Губу вынесло 6-й разъ. Осокинъ тоже захворалъ.

16. Ясно и вѣтрено. Подстрѣлили нерпу, не кому достать. Карбасы спихнуть некому, всѣ больные.

17. Ясно и вѣтрено. Командѣ все хуже. Зайдешь въ избу, только и слышишь плачъ и стонъ со всѣхъ сторонъ. Самъ чувствую все хуже. Подъ грудью жметъ больше всего и одышка.

25. Сильный вѣтеръ и крутитъ. Нельзя выйти. Занимался шитьемъ. Ѳедькѣ хуже. Не можетъ самъ выйти на печку.

28. Съ утра ясно и вѣтерокъ. Вечеромъ сильная погода, занесло сѣни. Вотъ и дождались долгихъ деньковъ. Прожили темное время. Теперь только бы и промышлять. Опять одно горе всѣ захворали. Чудная боль. Сперва поютъ пятки, точно зябнутъ. Потомъ пойдетъ по ногамъ выше колоть. Ломитъ колѣнки и стягиваетъ жилы. Человѣкъ поневолѣ долженъ лежать, и потомъ по всему тѣлу окажется сыпь и на рукахъ.

Въ то время, когда Кулебякинъ записывалъ эти послѣднія строки дневника, выѣхали на промыслы изъ становища Маточкинъ Шаръ промышленники Яковъ Запасовъ, Александръ Яшковъ и самоѣдъ Хатанзай.

На собакахъ доѣхали они до Чернаго Носа, гдѣ добыли четырехъ нерпъ; переночевавъ, направились дальше, на сѣверъ въ Мелкую Губу, близъ нея они убили бѣлую медвѣдицу съ медвѣженкомъ.

Въ становищѣ въ Мелкой Губѣ они нашли страшную картину: всѣ умирали отъ цынги.

Проживъ нѣсколько дней въ становищѣ, Запасовъ взялъ съ собой столько больныхъ, сколько могли увезти собаки.

Пришлось оставить Николая Кулебякина, того самого, который велъ дневникъ. Ходить за нимъ самоотверженно остался Александръ Яшковъ, пріѣхавшій съ Запасовымъ. Запасовъ обѣщалъ вернуться къ Благовѣщенію и увезти Кулебякина и Яшкова.

Запасовъ уѣхалъ, а Кулебякину дѣлается все хуже и хуже. — Яшковъ пошелъ за провизіей и лѣкарствомъ къ

норвежцамъ, промышлявшимъ въ сорока верстахъ въ Крестовой губѣ. Больной Кулебякинъ, оставшись одинъ, пишетъ въ дневникѣ.

Мартъ.

27. Съ утра ясно. Солнышко и тихо. Съ обѣда началъ дуть сильный вѣтеръ. Товарища все нѣтъ, а самъ чувствую себя, что дѣлается хуже. Сталъ ходить съ трудомъ. Утро похожу у печки, потомъ весь разслабну и не могу встать.

На этомъ мѣстѣ дневникъ Кулебякина прерывается. Далѣе идетъ запись Александра Яшкова.

Они ждутъ Якова Запасова, и Яшковъ каждый день, по нѣскольку разъ ходитъ на высокую гору смотрѣть не ѣдетъ ли Яковъ.– Если онъ не пріѣдетъ, то имъ обоимъ неминуемо грозитъ смерть отъ цынги.

Апрѣль (Запись Александра Яшкова).

1. Плохая погода. Вѣтеръ съ моря. Никуда не ходили. Кулебякинъ слегъ. Опухоль спустилась въ ноги, и не можетъ ходить отъ хорошей пищи, хлѣба и воды, а Якова все нѣтъ. Сулился до Благовѣщенія, и послѣ Благовѣщенія, а не пріѣхалъ.

2. Сильный вѣтеръ. Кулебякинъ лежитъ, а я не ходилъ никуда.

5. Лѣтній вѣтеръ. Солнце. Погода хорошая. Видѣлъ чаекъ 4 штуки.

6. Ясно. Вѣтеръ изъ губы. Пекъ хлѣбъ, заготовляли дрова. Пишу въ 9 часовъ вечера. Провизіи нѣтъ, ожидаемъ Якова изъ Шара.

11. Ясно, тихо и солнышко. По случаю праздника сидѣлъ дома. Николай что-то сильно захворалъ, такъ что не въ силахъ сойти съ печки, все подать надо.

16. Съ утра туманъ, тихо и тепло, а въ 11 час. солнце, ясно и вѣтеръ съ моря. Пекъ хлѣбъ, ходилъ на гору и заготовлялъ дрова.

Кулебякинъ сначала мучился и бредилъ, а потомъ тихо и мирно сталъ душу отдавать Богу. Съ утра пасмурно, а потомъ стало ясно. Ходилъ на гору. Воды нѣтъ. Снѣгъ быстро таетъ. Губа синяя, а не вытаскиваетъ. Дѣлалъ гробъ. Одинъ теперь остался. Не съ кѣмъ поговорить. Грустно стало. Якова изъ Шара все нѣтъ. Говорилъ на Благовѣщеніе и послѣ, а и теперь все нѣтъ. Спасибо ему.

21. Въ 7 час. свѣчку зажегъ, и покадилъ, а потомъ вынесъ на улицу гробъ Николая Яковлева Кулебякина. Ясно и солнце весь день. Воды нѣтъ. Жду изъ Шара Якова, все нѣтъ.

22. Ясно и солнце весь день. Ходилъ на горы три раза и строгалъ нерпъ. Жду Якова изъ Шара, а еще нѣтъ.

23. Солнце весь день. Сильный вѣтеръ изъ губы, а губа все стоитъ, оторвало по поворотному носу. Льду не видать. Повѣсилъ рваную рубаху вмѣсто флага на гору. Пекъ хлѣбъ и ходилъ на гору 5 разъ. Жду Якова изъ Шара. Очень скучно. Ноги болятъ сильно, одну стянуло такъ, что хожу съ трудомъ, а надо пересиливать болѣзнь, ѣсть нечего, одинъ хлѣбъ. А боль этимъ не выживешь.

Дневникъ прерывается.

Пріѣхавшій вскорѣ Яковъ Запасовъ увезъ больного Яшкова въ Маточкинъ Шаръ, оттуда Яшковъ лѣтомъ былъ доставленъ въ Архангельскъ.

Яшковъ поправился и послѣднюю зиму 1913 года опять провелъ на Новой Землѣ, въ Пропащей губѣ.

Такъ живутъ, борятся со смертью и умираютъ люди въ этихъ страшныхъ мѣстахъ.

Около избы хорошенькая, изящная дѣвочка лѣтъ восьми одѣта она въ самоѣдскую малицу, это—Оленька Запасова, внучка извѣстнаго промышленника на Новой Землѣ Якова Запасова. Запасовъ два раза ходилъ изъ Печерскаго края на карбасѣ черезъ Ледовитый океанъ на Новую Землю. Теперь онъ живетъ верстахъ въ сорока отъ Ольгинскаго поселка въ мелкой губѣ съ женой и внучкой.

Я дарю Оленькѣ два колечка: одно съ зеленымъ, а другое съ синимъ камнемъ.

Пойду въ избу спрячу,—говоритъ она хозяйственнымъ, дѣловымъ тономъ.—По праздникамъ надѣвать буду.

У Оленьки очень изящныя руки, совсѣмъ не крестьянскія, и вся она словно выточенная.

Я вхожу въ избу вслѣдъ за Оленькой. Въ избѣ Запасовъ и его жена. У Запасова на пароходѣ только что былъ непріятный разговоръ съ чиновникомъ. И отъ разговора и отъ вина Запасовъ въ возбужденномъ состояніи.

— Ну, что же. Безъ нихъ, слава Богу, обходился и обойдусь,—говорилъ онъ здѣсь сидѣвшему туристу.—Меня на Новой Землѣ знаютъ. Въ случаѣ чего ни одинъ самоѣдъ мнѣ не откажетъ муки дать. Мы съ женой сколько ужъ лѣтъ тутъ промышляемъ, товарищемъ она со мною.

Слово „товарищемъ“ онъ произнесъ съ какимъ-то особеннымъ внутреннимъ выраженіемъ. Должно быть, она была ему, дѣйствительно, вѣрнымъ товарищемъ.

— Чиновникъ говоритъ: если я шкуры буду продавать не черезъ него, то провизіи не будутъ доставлять. Ну, и не надо.

Жена, молча, внимательно слушаетъ.

Видимо, она когда то была красива, да и теперь у нея интересное живое лицо.

Рядомъ въ сосѣднемъ помѣщеніи у Запасова сложены шкуры бѣлыхъ медвѣдей, оленей, тутъ же лежитъ множество убитыхъ дикихъ гусей. Мы идемъ смотрѣть шкуры. Запасовъ бодръ и энергиченъ.

Пора ѣхать на пароходъ. Теперь ночь, но такъ какъ по временамъ сквозь облака проглядываетъ солнце, то кажется, что еще рано.

Вѣтеръ усилился, и стало еще холоднѣе.

Я, Запасовъ и еще нѣсколько туристовъ садимся въ карбасъ. Чѣмъ дальше карбасъ уходитъ отъ берега, тѣмъ вѣтеръ сильнѣе и сильнѣе. Насъ проноситъ мимо парохода и несетъ вѣтромъ дальше и дальше.

Пароходъ быстро уменьшается въ размѣрахъ, чуть видны на палубѣ люди. Оттуда слѣдятъ за нами. На самомъ носу парохода женская фигура—это жена буфетчика, у насъ въ карбасѣ ея дочка. Дочка буфетчика начинаетъ плакать. Всѣ, кто можетъ, гребутъ изо всѣхъ силъ: гребетъ монахъ, только что вернувшійся съ похоронъ, гребетъ англичанинъ; радуясь, что, наконецъ-то, нашелъ себѣ дѣло, гребетъ пьяный рабочій съ парохода, тотъ самый рабочій, который мѣшалъ служить монаху во время отпѣванія, но ничего не помогаетъ: сильнымъ вѣтромъ насъ относитъ все дальше и дальше. Опасности нѣтъ, въ крайнемъ случаѣ мы повернемъ къ берегу.

Наконецъ, дѣло пошло какъ будто на ладъ, и мы стали приближаться къ пароходу.

— Сойдите съ носа карбаса!—командуетъ Запасовъ, сидящій на рулѣ.—А то парусите очень!

Временно вѣтеръ сталъ тише, и мы съ большимъ трудомъ подплываемъ къ пароходу; съ палубы намъ бросаютъ веревку, и черезъ минуту мы грѣемся въ теплой каютѣ, и тутъ я вспоминаю, что, когда мы боролись съ вѣтромъ, далеко у берега я видѣлъ лодку съ двумя гребцами.

Два туриста такъ же, какъ и мы, не могли причалить къ трапу и направились прямо къ берегу.

За бортомъ на водѣ опять крики.

Всѣ бросаются на палубу. Еще два туриста не могутъ попасть на пароходъ.

Веревку бросьте! — кричатъ они. Но пока бросали веревку, они уже далеко, ихъ крошечную промысловую шлюпку „пашку“ относитъ все дальше и дальше. Съ „Савватія“ спустили катеръ и пошли къ нимъ на помощь.

Намъ видно, какъ катеръ съ Савватія взялъ на буксиръ „пашку“, и теперь вѣтромъ понесло всѣхъ вмѣстѣ дальше и дальше. Они поворачиваютъ къ берегу и берегомъ, забирая много выше парохода, подплываютъ къ трапу.

На другой день штормъ рвалъ и металъ во всю. Сообщеніе съ берегомъ было крайне затруднительно, а нужно было грузиться, чтобъ ночью выйти въ океанъ.

Теперь намъ предстоитъ обратный путь въ Архангельскъ.

— Ну, и трепанетъ же насъ сегодня ночью въ океанѣ, говоритъ одинъ изъ туристовъ. — Тутъ въ закрытомъ мѣстѣ Богъ знаетъ что дѣлается, а что же тамъ въ океанѣ.

Въ снастяхъ овиститъ вѣтеръ. — На палубѣ скандалъ: пьяный Запасовъ ударилъ промышленника Михайлу бутылкой по головѣ.

— Шлюпки крѣпи,—слышенъ голосъ капитана,—а то какъ разъ волной унесетъ. Рога то оленьи хорошенько привяжи, кабы не смыло.

Видимо, и капитанъ готовится къ штурму. —Только бы изъ губы выбраться,—говоритъ онъ,—а если и покачаетъ въ океанѣ, то это ничего, въ океанѣ мягко.

Послѣдній свистокъ. Въ бинокль видны двѣ спящія, пьяныя фигуры на берегу, это—промышленники Запасовъ и Смѣтанинъ.

Фигуры моментально вскакиваютъ и начинаютъ стрѣлять въ воздухъ. У насъ на палубѣ безпрерывная стрѣльба.

Настасья Запасова съ внучкой Оленькой уѣзжаетъ на два мѣсяца въ Архангельскъ. Настасья стоитъ на палубѣ и махаетъ мужу платкомъ.

— Имъ два ведра водки на берегу оставили,—говорю я ей,—давно они водки не видали, какъ бы не опились.

— Нѣтъ, — отвѣчаетъ она. — Мой то не задоренъ пить. Выпьетъ до „не хочу“ и шабашъ, а вотъ другой—задорно пьетъ и въ самомъ дѣлѣ какъ бы не опился.

Многіе туристы, въ ожиданіи большого перехода черезъ

океанъ не спятъ уже цѣлыя сутки, чтобъ спать потомъ—во время шторма.

Въ общей каютѣ небольшая компанія доигрываетъ пульку, чтобъ потомъ немедленно, лишь только начнется настоящая качка, разойтись по каютамъ и уснуть.

— Вы сегодня спать въ общей каютѣ не ложитесь,—говоритъ мнѣ одинъ изъ туристовъ,—васъ качкой съ дивана сброситъ. Ложитесь на койку въ каютѣ.

Приходится послѣдовать этому совѣту. Я ложусь и быстро засыпаю.

— Василій Васильевичъ! Василій Васильевичъ!—будитъ меня капитанъ. -Вставайте. Опять ледяными полями идемъ. Мимо какой красивой ледяной горы прошли! Да мнѣ будить васъ жалко было.

Качки не было.

— А что же штормъ?—спрашиваю я.

— Да это только въ губѣ былъ береговой стокъ, а въ океанѣ тихо,—отвѣчаетъ капитанъ.

Пароходъ идетъ мимо ледяныхъ полей. На палубѣ ни души, всѣ спятъ по своимъ каютамъ.

На другой день былъ штиль. Пароходъ шелъ среди безпредѣльнаго круга океана и неба, береговъ было не видно. На небѣ сіяло солнце.

На палубѣ шли разныя, хозяйственныя работы. Въ одной изъ шлюпокъ была налита вода, и въ нее по очереди таскали мыть бѣлыхъ медвѣжатъ. Медвѣжата ревѣли и рычали немилосердно.

— Господа! Медвѣженокъ сорвался! Ружья берите!—кричитъ чей-то голосъ:—сейчасъ онъ въ океанъ спрыгнетъ!

Всѣ бѣгутъ на палубу. Оказывается, медвѣженка уже поймалъ штурманъ.

Другой медвѣженокъ оборвалъ цѣпь и потихоньку отправился къ бочкѣ съ солониной, выбралъ самый лучшій кусокъ и собирался было уже завтракать, когда у него отняли краденое. Потомъ онъ долго облизывался и нюхалъ воздухъ.

Во время обратнаго перехода въ Архангельскъ въ океанѣ было тихо. Иногда спускался туманъ, но мы шли полнымъ ходомъ, не боясь столкнуться съ какимъ-нибудь другимъ судномъ. Въ этихъ отдаленныхъ мѣстахъ суда рѣдки, и намъ на нашемъ пути попался только одинъ англійскій траулеръ.

Когда горизонтъ былъ открытъ, проходили вдалекѣ стада китовъ, иногда виднѣлись плавающіе тюлени.

На палубѣ сидитъ Настасья Запасова.

— Страшно было,—спрашиваю я ее,—когда вы съ Печеры на Новую Землю въ карбасѣ океаномъ шли?

— Страшно! --отвѣчаетъ она.—Особенно по второму разу! По первому разу мы вшестеромъ по компасу шли. Оленье сало съ нами было. Грѣтымъ оленьимъ саломъ питались. А по второму разу насъ трое было, безъ компаса шли. До Вайгача черезъ океанъ 30 верстъ въ ясную погоду перебѣжали. Иногда гребли, иногда парусомъ шли. Хлѣба крохи не было, все мясо ѣли, а потомъ и мясо кончилось, оленя не было. Травкой питались 3 дня; травка кислая такая. Чуть было не погинули. Теперь въ Мелкой губѣ зимуемъ. Очень со старикомъ за внучку боимся: какъ бы не оцынжала. Живемъ безъ товарищей. Оленькѣ скучно, поиграть не съ кѣмъ. Другой разъ придетъ ко мнѣ, скажетъ: „Бабушка, поиграй со мной“. Ну, я съ ней и поиграю. Она книжки чатаетъ—сказки. Мужъ то на Русь не ходитъ, вотъ мы съ Оленькой собрались въ Архангельскъ, а къ осени вернемся; опять на промыслы съ мужемъ поѣдемъ. Я стрѣлять не стрѣляю, только гребу. Я гребу, а онъ звѣря стрѣляетъ.

Въ Бѣломъ морѣ стояли густые туманы, идти во время тумановъ было рискованно, и приходилось отстаиваться.

Кругомъ парохода бѣлая пелена, каждыя три минуты слышенъ свистокъ, гдѣ то по близости звонитъ колоколъ-на суднѣ слышны свистки другого парохода.

Стоять скучно и не интересно. Лишь только вѣтеръ проносилъ туманъ, нашъ пароходъ пускался въ путь, а потомъ бѣлая пелена опять спускалась надъ моремъ, и опять приходилось стоять.

И во время стоянокъ еще ярче вставали передъ глазами тѣ таинственныя, волшебныя страны, изъ которыхъ мы только что ушли. Страны эти богаты звѣремъ, рыбой и металлами. Сейчасъ въ Пропащей губѣ, на югѣ Новой Земли начата разработка богатой мѣдной руды. — Говорятъ, что есть на Новой Землѣ серебро и платина.

Новая Земля, лежащая на морскомъ пути въ Сибирскія рѣки, теперь, когда открытъ этотъ путь, получаетъ особенное значеніе, какъ опорный пунктъ этого сообщенія.

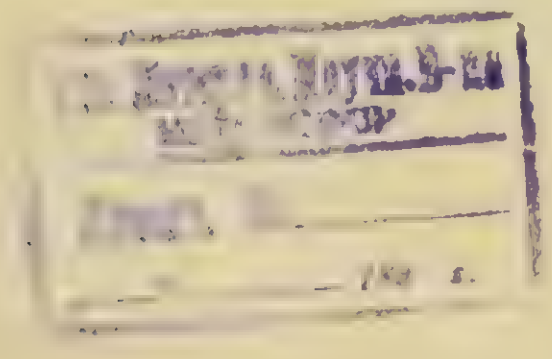
Самоѣдская сказка о смерти, которую разсказалъ священникъ, особенно подходитъ къ этимъ странамъ. Тамъ „человѣкъ постоянно подъ смертью находится“, какъ сказалъ тотъ молодой парень, который съ голоду хотѣлъ съѣсть собаку. Но странно, что то влечетъ человѣка въ эти области: однихъ влечетъ заработокъ—надежда на удачные звѣриные промыслы, а другихъ изслѣдователей - та очаровательная таинственность, загадочность и безконечная красота этихъ мѣстъ.

Одинъ мой знакомый переживалъ когда-то тяжелую душевную драму. Не зная, куда себя дѣвать, онъ отправился на Новую Землю, не безъ мысли, что тамъ, въ опасностяхъ полярной экспедиціи, онъ, быть можетъ, найдетъ естественный конецъ своей тяжелой жизни. Но случилось обратное: онъ увлекся полярными странами, совершенно переродился душевно, совершилъ туда рядъ экспедицій, сталъ извѣстнымъ путешественникомъ, имя его записано въ исторіи полярныхъ странъ. — Теперь онъ, быть можетъ, тамъ погибъ, отъ него давнымъ давно нѣтъ извѣстій. И если онъ погибъ, то погибъ онъ, бодрый, любя жизнь, любя эти волшебныя страны,— конечно, и тутъ торжествуетъ герой этой сказки - смерть, но еще больше торжествуетъ другое: человѣческая энергія, предпріимчивость, любовь къ знанію, которыя не боятся смерти и смѣло плывутъ туда – въ эту неизвѣданную таинственность.

К.п. 1955.

А вотъ и Архангельскъ! Гремятъ извозчичьи пролетки по мостовой. Ударяютъ къ обѣднѣ, идутъ кухарки на рынокъ. Я проѣзжаю мимо бѣлаго дома съ синей вывѣской, на которой значится:

„Трактиръ Югъ съ виноградными винами, безъ казенныхъ винъ и водочныхъ издѣлій.“ Все это реальное, а то, что пришлось видѣть тамъ въ далекихъ полярныхъ странахъ, до того не похоже на то, къ чему привыкли мы, что кажется чѣмъ то волшебнымъ и фантастическимъ.

И теперь, когда я ѣду на извозчикѣ по тряской мостовой, мнѣ кажется, что странъ этихъ совсѣмъ нѣтъ на свѣтѣ, что тамъ я совсѣмъ не былъ, и что я все это видѣлъ только во снѣ.

Художникъ Василій Переплетчиковъ.